

Таисья Пьянкова

И всё-таки – жить!

... Я, как язычок,
на взлёте,
Всё скачу и скачу.
Чем сильнее копытца,
тем я выше лезу!

М. Мз

Таисья Пьянкова

И всё-таки — жить!

НОВОСИБИРСК
2018

ББК 84 Р7-4
П 96

Пьянкова Т. Е.

П 96 И всё-таки – жить! – Новосибирск: ООО «Сибирское
книжное издательство», 2018. – 112 с.

ISBN 978-5-904795-53-5

В книге «И всё-таки – жить!» известная сибирская писательница Таисья Пьянкова продолжает рассказ о жизни Лизы Быстриковой, начатый в книге «Я – дочь врага народа».

© Пьянкова Т. Е., 2018

© Лазарева Л. П., 2018

КРИЧИ, ДУША...

Никиток ночью доводит грузовик до Барабинска, тормозит у вокзала. Тут гроб с сестрицей Алёнушкой должен быть перегружён в товарный вагон.

Когда же Никиток спохватывается, Лиза уже стоит во дворе дома не забытого ею майора милиции – Ильи Денисовича.

Дверь дома не только заперта, но и заколочена горбылями. Зато сараюшка во дворе – настёжь.

Хозяева, видно, скотины не держивали – подстилки на полу никакой. Зато в углу сусек без крышки, в котором старый половик. На нём Лиза и сворачивается калачиком...

Просыпается от холода.

Апрельская ночь. Тихо. Даже собаки не брешут. Лиза выбирается из ларя и бредёт, чтобы согреться, по тёмным улицам...

На пути сквер со скамейкой. Лиза укладывается, закрывает глаза.

Снится Татарское болото, где стриженные камыши расходятся ровными аллеями.

Лодка с нею сама собой скользит по воде, правит на поперечную прогалину, по которой слева движется деревянный крест. На нём – тёмный Христос! Он держит правую руку на сердце. Левую поднимает и опускает, при этом светлеет. Повторный взмах – и вновь темнота! Лодка торопится прочь...

Лиза уже – на берегу! Перед нею особняк. Её окружает мелкая ребятня. На берегу, в белом балахоне – Христос! Он грозно лает:

– Эй, девка! Просыпайся!

Лиза подхватывается на скамье. Пожилой милиционер держит её за шиворот. Молодой унимает собаку.

– Пусти! – дёргается Лиза в руках пожилого. – Не бойся, не убегу.

В отделении Лиза выкладывает, что её вынудило пуститься в бег. Усмешек нет. Значит – верят. Детдома она не называет, а то вернут. Никто и не настаивает. Всем понятно – не назовёт.

Начальник за столом загибает пальцы:

– Май, июнь, июль, август... Четыре месяца до учебного года...

Велит тому же, молодому, милиционеру:

– Оформи её беспризорной. В показательный! А куда ещё?! Потом – в ремесленное...

Когда перед Лизою поднимается корпус образцово-показательного детдома, она осознаёт: здесь вольницей и не пахнет. Такая ухоженность, такой порядок достигается лишь полным подчинением!

Лиза – воробей стреляный! От неё не скроешь язвы под лощёной улыбкою директрисы Софьи Николаевны.

Беспокойство её понятно: привели... бродяжку без бумажки... А что, если этой шлынде опять захочется свободы?! Побег воспитанника пошатнёт авторитет детдома!

Поэтому к новенькой сходу приставлены караульные: кокетливая Роза Вуйнич и прыщавая Валя Плесовских.

Последнюю ребята зовут Пельдускою. Она привыкла – отзывается.

В спальне, в столовой, в туалете... Надзор несокрушим!

Лиза вспоминает бабушкин рассказ о том, что и ей когда-то приснился Господь. Он образовался тоже по левую руку...

– Плохой сон, – сокрушалась тогда бабушка. – Бог должен находиться справа, а слева – рядится нечистая сила!

Оба сна оказались – в руку: тогда был арестован Лизин отец, а теперь вот – полный надзор за нею...

И ещё Лиза помнит бабушкины слова:

– Тебе два года исполнилось, когда Лёню забирали; Шура держала тебя на руках. Она так закричала, что у тебя ножонки отнялись, мочиться взялась под себя... А когда ножонками-то пошла, в тебе лунатик обнаружился...

Лиза помнит, когда пошла, помнит, как в семь лет её от лунатизма заговаривала какая-то старушка, а вот ночным недугом страдает хотя и крайне редко, но до сих пор.

Однажды она сбежала из детдома только из-за этой напасти...

А в показательном детдоме, где тревога перед комиссиями принуждает воспитателей «шманать» по тумбочкам, по школьным сумкам, копать в постелях воспитанников, Лизу охватил страх ночи!

Такого кошмара не испытывала она ни в одном из пройденных ею детдомов.

Нервы не выдерживают, и организм выдаёт свою тайну!

Лиза становится изгоем!

Ею брезгают. От неё отворачиваются. Только поэзия щадит её...

Но писать негде и не на чем! Надо запоминать. А это, по сути, тот же сомнамбулизм! Её отсутствующий взгляд, неверные ответы, непонятный шёпот, даже неопрятность... Так даются Лизе стихи:

Паутиною серебряной ночь волос заплетена;
Холку стёр Пегас оседланный; смотрит жалостно луна...
Эх, поэзия, поэзия – жизнь несётся кувырком!
Ну, чего же ты нагрезила опохмельным языком?
Где твои дворцы высокие – жалок мир твоих лачуг.
Я мечтала взвиться соколом – мокрой курицей квохчу.
Обещала песни жаркие – панихиду завела.
В ночь волос рукою жалкою паутины наплела.
На задрипанном Пегасушке сыромятная узда...
И грозит мне вслед погаснувшим палкой-факелом звезда.

Странно то, что, после мокрой ночи, страх покидает Лизу. Потому, знать, и не повторяется она. Но ребята уже заражены своим превосходством – не желают считать её равной. Для всех она – зассыха, идиотка, неряха...

А к ней приходит интерес – изображать из себя дурочку: ответно «лыбиться», будто над нею шутят, а не издеваются.

Её даже занимает то, как ребята «выгибаются» перед нею.

На краешке её сознания проявляется подозрение, что Небо к людям снизошло ограниченной массой духовной силы. И только за терпение человеку дозволено брать по заслугам от этого сокровища...

Вымысел такой ставит перед Лизою многое на свои места...

Но бывает, накатывает на неё такая безысходность, что появляются подобные строки:

Кричи, душа, на перекрёстке быта,
Там, где собака истины зарыта.
Да только не забудь, сходя с ума:
Ты от природы, словно смерть, нема!

СЮРПРИЗ

Комната в ремесленном училище обставлена пятью солдатскими кроватями.

Ехидная Роза Вуйнич, прыщавая Валя Плесовских, вертлявая Гурьева Галя, простушка Люда Угланова и рохля Быстрикова Лиза вселены в одну комнату, поскольку прибыли из одного детдома.

Группа слесарей-сборщиков – СБ-9, а там и всё ремесленное училище, только не в первый день узнаёт, что в числе первокурсниц имеется зассыха!

Конец августа.

По форме пришиты подворотнички на (синего сатина) платьях. К чёрным беретам прикреплены эмблемы – серп и молот. Петлицы рабочих бушлатов и парадных шинелей украшены металлическими буквами – РУ-14. Ноги девчат в хлопчатобумажных чулках и кирзовых ботинках...

Под надзором выбранного старосты первого сентября группа чижиков (так зовут ремесленников горожане) шагает в учебный корпус.

Уже выучена маршевая песня:

Мы рабочей армии резервы –
Нет преграды силе молодой!
Вперёд мы идём
И с пути не свернём!
Нас ведёт комсомол боевой!
Над о, над Обью широкой!
Над си, над синим Алтаем.
Пусть пе-есни, как пти-ицы,
Как птицы летят!
Пусть край наш любимый,
Пусть Родина знает
Про сла-авных сибирских,
Сиби-ирских ребят!..

Строем – в столовую, в баню, в кино... Второкурсники уверяют, что такая муштра – только первое полугодие.

Чем кормят в столовой? А тем, на что Господь смотрит и плачет. Утешает одно: и весь рабочий люд в эти годы не жирует.

В учебном корпусе группу встречает классный руководитель, он же математик – Наум Давыдович Субботин, который с ходу объявляет девочкам, что Наум (по-еврейски) значит – пацан толковый.

Похоже, он лукавит насчёт еврейского толкования своего имени, но «пацан» действительно – толковый, поскольку всё училище увлечено математикой.

Предметом, но не преподавателем.

В быту Наум – человек одинокий и выглядит много старше своих двадцати шести лет, поскольку неухожен и постоянно пахнет горошницей.

А у девочек – пора любви!

Относительно же математика – эта (возрастная химия) ни в какую реакцию не вступает. Женское чутьё подсказывает им, что Наум – всего лишь учитель.

Ему же самому хватает месяца, чтобы вникнуть в суть каждой ученицы.

Одного не может он понять: как общаться с нестандартной Быстриковой Лизой, чтобы не оказалась она в глазах девочек и того нелепей...

Казарменный уклад общежития никому не позволяет в свободные часы находиться в спальнях. Для того имеется Красный уголок. А заболел – в изолятор! Хочется побыть одному – перебыть!

Какие уж тут стихи?! Да и бумаги нет. И писать нечем. Домашние задания делаются в учебном корпусе – коллективно.

Лизе остаётся надеяться на память: бродит лунатиком – шепчет, шепчет...

Водят в кино, один раз в две недели. Дорога идёт мимо книжного магазина. Лиза в строю – последняя. Есть возможность улизнуть.

И вот заведующая магазином уже позволяет ей навести порядок в кладовушке.

Странная штука – счастье: для него иной раз достаточно блокнота и карандаша. Но дома карандаш нечем зачинить, приходится грызть.

Роза Вуйнич ехидная, но не подлая, Пельдуска – всякая. Заражённая в детдоме слежкой, в училище она становится хроником. Поколотить бы её, но у Лизы на девочек никогда не поднималась рука.

А тут Пельдуска видит в красном уголке Быстрикову, которая склонилась над блокнотом. Подкрадывается со спины, читает:

Ведут уголовного,
Ведут уголовного!
А люди, как струи
По склону пологому...

– Ой-ё-о! – трубит на всё общежитие. – Стихи-и! Хи-хи-хи! Стихушка нашлась...

У Лизы было одно прозвище «зассыха» – появляется второе. Оно доходит до ушей Наума Давыдовича.

С математикой у Лизы были крепкие отношения. Наум, никогда не вызывавший её к доске, вдруг приглашает:

– Быстрикова, умная дуручка... Прошу...

– Стихи, говорят, пишешь? – спрашивает он и признаётся: – Я тоже балуюсь. Выходит, что мы с тобою – собратья по перу? Может, прочтёшь? Ну, нет, так нет... А я, позволь, проверю себя на твоём поэтическом чутье:

Ветер милый,
Не дуй мне в рыло,
Дуй мне в зад –
Я буду очень рад!

Хохот, да такой, что уборщица – Зинаида Лаврентьевна – заглядывает в класс.

– Шут гороховый! – оценивает Лиза выходку преподавателя и идёт на своё место.

На класс обрушивается тишина. В ней слышно, как Наум отодвигает стул, поднимается и вдруг виновато соглашается:

– Права ты, Лиза! Прости – не подумал... Но, пойми, только юмор в этой жизни чего-то стоит!

Затем садится, вновь поднимается и дополняет:

– А ещё... поэзия...

И снова садится, и снова встаёт, чтобы с уважением предложить:

– Ты уж... позволь мне, Лизонька, пригласить тебя в выходной день в Оперный театр.

У всех девчат – лица вытянуты, брови – на взлёт!

...Позже Пельдуска оглашает – поход, дескать, в Оперный театр затеян не Наумом, а директором училища, как лечебная процедура от придури...

В девчатах, однако, так и не проясняется истина – как это Наумом Давыдовичем «стихуяшка и зассыха» поднята «умной дурочкой» выше их на целую ступень?

ЮМОР МНОГОГО СТОИТ

Производственный мастер имеет ненавистное для Лизы имя детдомовского воспитателя Цывика – Виктор Петрович. Она не желает у него заниматься.

Занятия девчат в слесарной мастерской начинаются с октября месяца, проходят по вторникам, четвергам и субботам.

Образовательный этот минимум включает в себя забивание гвоздей, изготовление молотков и плоскогубцев...

Разглядывая заготовку будущего инструмента, Лиза спрашивает мастера:

– Зачем слесарю-сборщику уметь делать щипцы?

Её вопрос приводит мастера в некоторое замешательство.

– А затем, – поясняет ему сама Лиза, – что советский рабочий обязан уметь всё!

– Ве-ерно, – соглашается мастер и добавляет в её же тоне: – Но у тебя, Елизавета свет Леонидовна, руки, похоже, не из того места растут...

– А спорим... – задирается свет Леонидовна. – Если я вперёд всех сделаю вашу железяку, то вы мне покупаете билет в оперный.

– А спорим! – соглашается мастер.

Через неделю плоскогубцы у Лизы готовы!

Утром в понедельник вход в учебный корпус украшен плакатом: «Поздравляем ученицу группы СБ-9 – Быстрикову Лизу с производственным успехом!».

Но – увы мастеру! Лиза не тщеславна. Учиться у Цывикова тёзки она так и не желает. И объясняться не намерена.

А вот билет, им проигранный, берёт и, с разрешения директора училища, слушает в оперном театре дневной показ «Морозко».

Следующие два месяца отпущены группе для освоения токарного минимума.

Тут Лиза не в силах досаждать мастеру.

Когда тебе подчиняется «живой» станок, когда под твоей рукою чуть повизгивает от удовольствия металл, когда верно изготовленная деталь глядит и улыбается тебе блестящим отсветом... Какая уж тут неприязнь?

Лиза, при словесном одобрении её нового достижения, заявляет мастеру:

– Если повесите идиотский плакат о моём успехе, ничего делать больше не стану.

– А если... билет в оперный? – спрашивает Виктор Петрович.

Какие-то секунды проходят в молчании, затем оба хохочут...

Наум Давыдович был не прав, что юмор чего-то стоит – юмор стоит очень многого! Именно потому Лиза и не огорчает больше Виктора Петровича.

ГОСПОДИ, БОЖЕ МОЙ!

В седьмом классе Лиза сидела за первой партой. Ноги её не доставали до пола. А в ремесленном за один год она обгоняет в росте почти всех девочек. Еды не хватает. В глазах – радужные круги. Подташнивает. Часто кружится голова...

Как-то ночью она идёт в туалет, где с высокого «пьедестала» грохается головою о цементный пол.

Оживает она в больнице. Слышно: соседки толкуют. Говорят, что у неё не всё в порядке с головой. А голова её (на ощупь) лысая; а в палате полный мрак. Лиза решает: если «не всё в порядке», значит, она бредила стихами. У неё такое бывает. Но почему лысая? Но почему темно?!

Приходит доктор. По голосу она понимает, что он – старичок; спрашивает ласково:

– Как ты, голубушка?

Лиза интересуется:

– Почему ночью-то?

– Что – ночью? – не сразу понимает доктор.

– Почему ночью пришли?

Доктор медлит с ответом, а потом объясняет:

– Когда очнулась, тогда и пришёл.

– Свет-то зажгите, – просит Лиза.

Доктор уверяет:

– Нельзя, голубушка, – больные спят. Сестра тебе сейчас укольчик сделает. И ты уснёшь...

Снова Лиза оживает – снова темнота! Теперь уж потому, что глаза её забинтованы. Доктор рядом. Откашливается. Говорит:

– Так, Лизавета... Сотрясение у тебя. Сильное. Понимаешь? Зрение пострадало. Придётся повязочку потерпеть...

– И долго?

– Посмотрим, – вздыхает он, продолжая: – Ты – девочка взрослая. Поймёшь... Если зрение через недельку-другую не появится...

– Ослепну, что ли? – торопится узнать Лиза.

Но доктор продолжает говорить начатое:

– А появится – восстановится совсем. Надо потерпеть.

– Зачем остригли? – спрашивает Лиза, не желая продолжать страшный разговор.

– Поспешили... Думали – понадобится трепанация.

Потом добавляет:

– А что остригли – не сокрушайся. Волос – не нос, отрастёт.

Пошла третья неделя – ночь продолжается.

Голос доктора перемежается тяжкими вздохами соседок по палате...

А лысая голова в слепоте пустует. Ну и хрен с ней, с поэзией!

По поведению соседок Лиза понимает, что окна находятся против двери, что палата – на третьем этаже...

Вот сейчас – все уйдут в столовую; ей принесут обед попозже.

Наконец в палате наступает тишина; Лизины ноги оказываются на полу. Они уже ступают, крадутся. Доносят хозяйку до окна. Поднимают на подоконник... И руки сами делают своё дело. Им остаётся только дотянуться до последний, верхней задвижки...

– Падла! – шёпотом ругается Лиза на высокий шпингалет. – Дурак тебя какой-то прилепил...

А минутой позже из неё криком выворачивается нутро:

– Сволочи! Пустите...

Крик не орёт, он прорывается из бунтующего тела сквозь зубы. Его, к тому же, покрывает гул голосов. У двери собралось народу – почти весь этаж...

И вот Лиза, как в памятном детстве, опять привязана к кровати... Бедный доктор!

Сквозь затихающее в ней отчаянье Лиза чувствует, как мелко трясутся его руки. Так же мелко он семенит по палате – закрывает дверь и вновь подсаживается к ней... Начинает разматывать на её лице повязку.

Рядом, слышно, топчется сестра. Что-то говорит, говорит... И она не может никак успокоиться...

Бинты сняты. Доктор, на латыни, пытается в чём-то убедить сестру. Палата прислушивается...

Внезапно Лиза произносит:

– Очки...

Ближняя по кровати соседка переспрашивает:

– Что ты сказала?!

– У доктора на лице блестят очки, – повторяет Лиза.

Доктор смотрит на неё и соглашается:

– Да, да! Очки...

Затем он неистово крестится, приговаривая:

– Господи! Слава Тебе, Господи!

– Господи! – вторит ему сестра, прикладывая руки к груди. – Боже мой!

И совсем уж неожиданно старичок-доктор, припав головою к Лизиной груди, причитает:

– Да внученька ж ты моя! Да умница ж ты моя! Прозрела...

Кто-то в палате, вторя доктору, тихо молится и громко сморкается. Наверное, в полотенце...

И вот... Медсестра уже ворчит:

– За пять недель ни один паразит не навестил, не поинтересовался: ослеп человек – не ослеп, лысый – не лысый!.. Хоть бы косынку какую принесли...

Она ведёт Лизу в хозяйственный закуток, отрывает там кусок марли, складывает наискось – повязать стриженую голову, затем подает ей листок – выписку из больницы.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

За окнами февраль.

Училище наделяет Лизу, при её появлении в марлевой косынке, ещё одним прозвищем – Страус общипанный...

Март-апрель приходят – с тою же кличкою. С нею она предстаёт и перед своею первой любовью.

Она «делать лица» не умеет. И скоро обретает следующее прозвание – Влюблённый Антропос!

Володя Войцеховский, или Войцех, дохленький, светленький коротыш, наделённый гордой кровью поляка, ошарашен её чувством до крутых русских матов!

Он подговаривает друга Веньку поколотить Антропоса. Тот, дурак, соглашается. Но какая-то добрая душа предупреждает Лизу, и ей приходится обратиться за помощью к своему боевому прошлому.

К майскому празднику голова её уже немного обрастает; косынка снята.

После праздничного обеда, подходя к общежитию, Лиза видит на высоком крыльце физиономию Веньки.

На потеху всем «чижикам», которые собрались перед общежитием – посмотреть «концерт», в Лизиной причёске матово белеет алюминиевая гребёнка. Видны щербины нескольких выломанных в ней зубцов. В «зрителях» это вызывает потеху.

И Венькина морда лыбится...

Лиза идёт, следя за его правой ногою – та явно готова отвесить ей пендюля...

В аховый момент Лиза выхватывает из волос гребёнку и мигом срывает её ухмылку с Венькиного лица...

Правая нога не успевает долететь до цели; «защитник» оскорблённого друга отшатывается, захлёстывает лицо ладонями. А Лиза медлит – ждёт, когда между пальцев заступника проступит кровь, и спокойно скрывается за дверью, кем-то распахнутой перед нею...

Даже Пельдуска и та – прикусывает язык.

А Лизе дозволяется теперь, с молчаливого согласия девчат, укрываться в спальне под кроватью и там писать. И она пишет:

Полночь, за полночь – не спится...
Тени пляшут на стене...
Слышу: стонут половицы –
Кто-то бродит в тишине.

То призывно засмеётся,
То зубами заскрипит,
То сиянием взорвётся,
То молчаньем завопит...

Страшно думать и не думать –
Хоть посмертную пиши...
Так бы отдал чёрту душу,
Только нет её – души!

А душа-то есть! Она сквозь затаённую боль кровит... до самого лета.

Июньским днём, сидя на скамье тихой аллеи парка, Лиза продолжает писать:

Пусть и слева, и справа тишина и покой.
Мне не с вами, мне прямо, мне туда, где порой
Крутят вихри поветрий, не пуская вперёд.
На одном километре то паденье, то взлёт...

Параллельная аллея парка ведёт к кинотеатру, где в эти дни «крутят» Тарзана.

По аллее, слышно, идут чижики. Среди многих голосов – голос Володьки Войцеховского. И вдруг тот голос орёт по-тарзаньи.

Дикий ор хлещет Лизу по той самой душе, мигом выбивая навязчивую любовную хворь. И она дописывает:

Мне туда, мне не время синяки растирать,
Мне положено верить, что могу опоздать
Не в объятья успеха – на возможность успеть
В яром пламени века без остатка сгореть...

БОЖЬЯ ИСКРА

Польская гордыня продолжает шаять в Войцихе, как на болоте вонючий пожар. Сам он труслив, но на его подговоры, после случая с Венькой, ответы одинаковые:

– Да пошёл ты!.. Не хватало ещё... руки об неё марать!

В конце июня чижики, перевалившие во второй год обучения, выезжают лагерем на отдых; определяют в загородных корпусах какого-то заштатного дома отдыха. Недалече от него ютятся среди сосен несколько убогих двориков, чьи халупы похожи на старые коровники.

Тут с поэзией куда как проще – кругом сосновый бор! Укрывайся, пиши!

Лагерные блюстителы-воспитатели махнули на Лизу рукой: что с идиотки возьмёшь? Ни тебе Наумова панибратства, ни подначек Виктора Петровича... Только дятел во бору усердно поддакивает Лизиным стихам:

На краю света стынь, сушь!
На краю света тьма, глушь!
Там живут беды, боль, страх;
Там лежат вечность и прах!

Не ищи слабый тот путь!
Отрекись разом – стой тут!
Стоит ли, не стоит – как знать?
Подыши сто лет и... спать!..

Зря старается дятел. Не понимает, что Лиза – на краю света. Никаким старанием до неё не достучаться... Зря, глупый, старается. И комары напрасно суетятся – укусы их Лизу не тревожат...

Но вдруг орёт ворона. Ей удаётся сбить Лизу с рифмы. Она озирается и замечает, что из-за недалёкой сосны на неё тёмной дырочкой глядит белая-белая попа.

Лизе хочется букашкой зарыться в дёрн. Она горбатится, будто и впрямь намеревается стать насекомым. Но кто-то издали кричит голосом Веньки:

– Войцех! Где ты там... обо..ался, что ли?

Прикрывая штанами белизну, Володька отзывается:

– Утром Славкиной каши нажрался, дурак... Живот пучит...

Направляясь в сторону голоса, Володька оборачивается – глянуть на «Славкину кашу» и видит Лизу.

Ему бы сделать вид, что её нет. Но куда там!..

– Следишь, с-сука! – шипит он и, подхватив толстую хлыстину, идёт на приступ.

Лизе приходится поспешить. Она торопится мимо только что оставленной Войцехом сосны. Палка летит следом, но оказывается гнилой. От удара по стволу она разлетается обломками. Увернувшись от них, Лиза падает и угадывает ладонью прямо в кашу...

Володька уже рядом!

Не была бы Лиза Лизою, если бы тёплая слякоть оказалась вытертой о землю.

Подскочив на ноги, она полной горстью вмазывает её Володьке прямо в глаза.

Дело бы не кончилось добром, но тут среди сосен заблеял, известный своей бодливостью, козёл. Лиза не видит, куда исчезает Володька. Сама она, перескочив прясла, через секунду стоит в чужом огороде, где ветхая бабуля уже поясняет:

– Ет Мартын! – именует она козла. – Суседкин дьявол!

А дьявол стоит по ту сторону прясел, упершись копытцами в жердину!

– Теперь ня жди, – продолжает бабуля. – Ня уберётся, покуда Михална не увядёт. В сельпо подалась, а ён выскочил идей-та... Придётся погодить...

Последние слова относятся к Лизе, и та соглашается:

– Ну, тоды... Руки-то сполосни, – велит старая. – Пойдём, что ля, чай пить...

На ходу она хвалится:

– У мяне ишо и кипяток не простыл...

В ограде под навесом печь, на плите чайник... Там же полно «суседкиных» пчёл.

– Только не махайся на их – тоды ня жиганут, – предупреждает бабуля.

Уже за чаем она сообщает:

– А ты мне вот на чо нужна... Бог тебя послал. Погодь – сщас вынясу...

Она идёт в избу; выносит такую же Библию, какая была в доме Игоря Васильевича – директора памятной школы. На ходу говорит:

– Я – баушка Роза... Семьи ня помню – мать родами померла. Ня знаю, какой дурак мяне Розой окрестил. – Отмахивается она от чуждого ей имени, чтобы попросить: – Ты тут вот мне почитай. Сама-то я плохо вижу... А я толковать буду... Тут ишо с ятями писано...

Всё это говорится запросто, будто рядом с нею сидит близкая родня...

Под вечер Лизе, отведавшей полную миску русских щей и огромную порцию духовности, хозяйка у знакомых прясел велит:

– Ты, девка, не заботься ни про чо... Ходи, как домой. И Мартыня боле не тронет. Ён как собака – своих скоро признаёт. А о Войцехе даже ня думай – не твоя судьба. Ён – дурень бестолковый, а ты – искра Божья! Тольки Неба единого слухайся!..

Пока Лиза бредёт обратно в лагерь, слова нового стиха сами собой ложатся в последние строфы:

Если ж ты не в силах терпеть,
Если ты и в горе стал петь,
Если глушишь смехом стон, вой,
То иди смело – ты свой!

Там, за краем света, удел
Праведных и смелых людей...
Только всем желаньям, так знай,
И за краем света есть край.

ЗАКИНУТАЯ

Второй год обучения сразу ошарашивает девчат объявлением: отныне они не слесари-сборщики группы СБ-9, а радиомонтажницы!

Проясняется, что это заказ института ядерной физики, который недавно образован под Новосибирском, в Академгородке.

Девчата сразу чувствуют себя приближёнными к советской науке!

Как уж там девчата, а для Лизы и работа обычного телефона – тайна за семью печатями.

Усилие постичь полёт живого слова в безмерном пространстве творит короткое замыкание в её голове и – ни малейшего просвета!

После долгих попыток вложить азы нового предмета в головы учениц Виктор Петрович всё-таки вынужден раздать им канифоль, припой, кислоту, чтобы «бестолочь эту» научить хотя бы путём паять.

Затем на верстаках появляются платы, схемы, наборы деталей. Определяется задание – каждому до Нового года собрать по простейшему радиоприёмнику!

Чего, казалось бы, проще – собрать по схеме проводники-сопротивления, чтобы вся эта белиберда заговорила выловленными из эфира голосами. Тут и начинаются нервы, слёзы, сопли... Девчачьи, но не Лизины.

Её не волнуют беспризорные голоса эфира. У неё собственное мироздание, полное несобранными пока что рифмами.

Не прилагая никаких нервных усилий, она по схеме подбирает всякие проводники-детали, один к другому пристраивает, прилаживает, припаивает, всем существом своим витая в поэзии:

Туманы, следуя за мной,
Как духи пахнут стариной...

Лиза повторяет и повторяет неотвязчивые строки... Не запомнить, значит улечутся. Пустота мигом заполнится другими строками...

При этом её в мастерской, можно сказать, нету: носит её где-то в беспредельном одиночестве...

В забытии она не осторожничает – повторяет и повторяет вслух:

...А на дороге неуклюж
О камень ворон чистит клюв...

Наплывают новые и новые строки, и Лиза уверена, что стихотворение уже состоялось.

В это время работающая за соседним верстаком Ольга Ковалёва очень громко просит мастера:

– Уберите меня от этой стихоплётки! Городит над ухом всякую хреновину...

Лизу её голос выхватывает из одиночества и втаскивает в производственную мастерскую, заполненную хихиканьем, репликами, насмешками...

Виктор Петрович не успевает ответить.

Лиза уже стоит среди мастерской и читает во весь голос:

Туманы, следуя за мной,
Как духи пахнут стариной.
А на дороге неуклюж
О камень ворон чистит клюв.

И поле, полное зерна,
Лежит, от тяжести вздыхая,
И богатырская луна
Плывёт, как чаша круговая.

Над созревающей страдой
Колосьев медный звон несётся,
Как будто Сивка за скирдой,
Уздечкой тренькая, пасётся.

Тут время дремлет на меже,
Укрывшись с головою чудом,
Тут слышно, как поют в душе
О счастье гусли-самогуды...

Замершие голоса долго не оживают!

Но вдруг!.. в тишине гулкой мастерской подлость, голосом Пельдуски, произносит:

– Ой! Да это стихотворение я уже читала, в каком-то старом журнале...

Середина декабря. Радиоприёмники должны перед Новым годом заговорить. Должны-то, должны, да долги-то страшны...

В день пельдускиной грязи ни в столовую, ни в общежитие Лизе идти не хочется. Она прячется под верстак и остаётся в мастерской на ночь.

Приземистый корпус слесарного и токарного цехов стоит внутри двора, огороженного складами, гаражами, навесами...

Сторож, дед Степан – старик с добрым интересом ко всем «чижикам», после ухода ребят закрывает ворота, маленько «закладывает за воротник» и ложится спать.

До зари он, понятно, не замечает, что в слесарной мастерской всю ночь горит свет.

А там в 6 часов утра – звучит:

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь!..

Дед Степан рано ложится, рано встаёт. Надо успеть к рабочей поре прочистить во дворе дорожки.

Выйдя из дежурки, в которой он и живёт, дед видит свет в мастерской. Решает, что забыли выключить. Идёт – заглянуть в одно из окон. Одинарное стекло закуржавело.

Старик дыханием распускает на нём талый пяточок, припадает к нему глазом. Видит посреди мастерской танцующую Лизу, недоумевает:

– Во! Нашла где танцульки разводить!

Затем слышит звуки Гимна, стучит по стеклу, шумит:

– Э-э! Лизавета! Как ты тут очутилась?

Лиза любит старика. Узнаёт голос. Радостно смеётся, продолжая вальсировать, подпевая под звуки Гимна:

Уже говорит мой готовый приёмник –
Я в оперный снова билет попрошу...

Сторож крутит у виска пальцем и говорит себе под нос:

– Хрен её разберёт – что за девка? Закинутая какая-то...

ПЕТРУШКА

Лизою, с малого детства, руководит какой-то ёрник? Всё казённое, уставное, для неё – страдание. В училище ею вырезаются из лоскутков и живутся к рабочему платью цветочки-бабочки, к подолу пришиваются кружева, к форменному бушлату – полоски бросового меха...

Девчата уверены, что всё выискивается ею на помойках. Противно! Однако *большую* неприязнь вызывает то, что из немногослов-

ной Лизы иной раз вырываются такие остроты, что остаётся только вытягивать голову в плечи...

За то, что у неё, у первой, заговорил радиоприёмник, Виктор Петрович даже похвалить её не рискует – как бы снова чего не выкинула. А вот до билета в оперный театр он зря не додумывается.

Даже девочки, и те ожидали, что стихоплётке опять повезёт. Оттого в Лизавете зарождается мстительное озорство...

К Новому году в учебном корпусе училища решено организовать бал-маскарад. В заводском клубе «Клары Цеткин» на прокат берутся костюмы. Объявляется, что их раздадут тем, кто напишет на хорошо и отлично полугодовое сочинение.

Лиза уверена, что ей поставят 5 и 2 – за содержание и за орфографию.

Сочинение, как всегда, будет на обычные темы: «Твоё любимое произведение», «Твой любимый герой!», и ещё что-нибудь – свободное...

Лиза берёт «свободное»; ей вспоминается лето в одном из домов.

Троих мальчишек отправили тогда на заимку – лошадей пасти, и трёх девчонок – поливать капусту. Лизу – в их числе.

И вот – поздний вечер, костёр у реки. Из берёзового колка появляется мужик... Смурый, крепкий, бородатый. Подходит, садится на коряжину, оглядывает ребят и вдруг начинает петь! Поёт мужик Лизиной бабушки песню:

Далеко, в стране Иркут-ской,
Между двух огромных скал,
Обнесён стеной высокой
Александровский централ...

Чистота кругом, поря-адок,
Нигде травинки не найдёшь...

Будучи уже в «ремеслухе», в первом году обучения, Лиза пишет о том мужике стих и теперь заканчивает им контрольное сочинение:

Ах, какой мужик-то страшный!
То ли чёрт его возил по загнеткам
И, уставши,
На корягу водрузил?

У воды огонь хлопочет –
Лижет пену с котелка...
Как ознобна тёмной ночью
Песнь чужого мужика!

Ну, давай, давай, бедовый!
Только б ночь не подвела...
Уж давно такую новой
Эта песня не была...

...Так откуда ж ты явился,
Из какого сундука?..
Только хитростью искрился
Взгляд зелёный мужика.

Кто ты?! Леший иль лесничий?..
Но мужик усы развёл,
На прощанье крикнул зычно,
Улыбнулся и... ушёл.

От Быстриковой всего ждали, но чтобы себя выразить настолько не в тему!..

Костюма ей, понятно, не дают. Но на маскарад она является ряженой... Является назло Виктору Петровичу, который в это время отвечает за группу, взамен захворавшего Наума Давыдовича.

– Что с неё возьмёшь, – во время вечера сокрушается мастер перед директором училища. – Ни на какой козе не подъедешь...

Его досада вызвана тем, что Лиза является повязанной поверх рабочего платья каким-то грязным, разодранным на полосы платком – это у неё, оказывается, юбка туземки.

Киселём, что давали на ужин, она умудряется намазать ещё короткие волосы, поставить их ёжиком, чулки на лодыжках закатать каральками и, в комнатных по снегу тапочках, в разгар веселья, оказаться в праздничном зале. Там она плясом врывается в круг танцующих, разгоняя собой по сторонам новогодних принцев и принцесс...

Но ряженой туземки в ней никто не признаёт. Зато до самого выхода из училища Лиза остаётся «Петрушкой».

НУ, ВОТ ЕЩЁ

Июль. На носу – выпускные экзамены. Выпускники группы СБ-9, словно монеты одного достоинства. Все они – слесари, токари, электрики, радиомонтажники. И все – третьего разряда. Сработала советская уравниловка.

– И нечего было выпендриваться, – потешается над Лизой Пельдуса, – а то... оперы, балеты ей подавай... – Поглядим ещё, как ты годовое сочинение напишешь...

Лиза и сама понимает, что орфография её подведёт. В русском языке она не слышит слов, она их видит. Видит настолько живо, что написание теряет смысл. Она пером изображает, не следуя никаким правилам. У неё, как говорят художники, своя манера живописи...

И на выпускном, приступая к сочинению, она берёт свободную тему. Пишет о том, как во время войны жила у бабушки в городе Татарске, железнодорожная станция которого была узловой. Там, с каждым днём, всё больше появлялось инвалидов войны.

Над вечно тонущими в болотной грязи улицами городка поднимались высокие дощатые тротуары. Устроившись на них, просили милостыню искалеченные фронтовики.

Лизе хорошо помнится, как на мотив знаменитой «Мурки» у «Сибторга» пел всё одну и ту же песню молоденький безногий солдат:

Гражд-да-не, не проходите мимо,
Рано я несчастье испытал.
Пожалейте, люди, люди, инвалида –
Я на фронте ноги потерял...

Или, следуя напеву «Раскинулось море широко», слёзно завывал полуседой воин в чёрных очках:

Война до сих пор надо мною кружит
Во тьме непроглядного снега,
Мой друг закадычный в могиле лежит,
А я доживаю калекой...

Тогда шестилетняя Лиза, слушая эти молитвы, хоронилась где-нибудь в сторонке и могла часами проливать безутешные слёзы.

И теперь, на сочинении, она так глубоко уходит в свои воспоминания, что забывается и, сунувшись лицом в парту, тихонько рыдает, чтобы её горя не услышали те – измученные войною калеки.

Она не слышит ни вопросов учителя, ни его строгостей...

Только шум потехи возвращает её в себя...

Лиза недоумённо улыбается, чем вызывает взрыв хохота.

Она привыкла быть посмешищем. Но на этот раз рывком поднимается и читает своё – медленное, настырное...

Полная уверенность на право чтения слышна в её голосе:

Мы все умны,
Когда нас любят,
А вот когда любовь молчит,
Пренебрежение разбудит
В порожних душах сто причин,
Сто вероятностей и сплетен...
Всё против вас!
Все заодно!
И вот тогда на белом свете
Становится темным-темно!
И мы, ослепшие от горя,
Обезумев, наверняка
Рыдаем бесконечно горько
В жилетку лютого врага.
А он, ухмылкою страдая,
Торжественно, в запойном зле,
Нас очень нежно прижимает
Лукавой ласкою к земле.
Доверившись его советам,
Вдруг, в состоянии таком,
Дурак становится поэтом,
Поэт – отменным дураком.
Но всё когда-нибудь проходит
И, гордо голову задрав,
В мир дураком дурак уходит,
Так ничего и не поняв.

Ну, а поэт?
Устав от мнений,

Махнёт на вымыслы рукой
И выйдет к людям новый гений,
Неповторимый, зоревой!

Молчит даже Пельдуска.

А Лиза, оставив на парте незаконченное сочинение, порывисто идёт за дверь.

Назавтра девчата слышат – оценки за контрольную работу по русскому языку:

– Быстрикова – 5.

ВЫПУСК

В конце июня две группы девчат и столько же юнцов снабжены свидетельствами об окончании ремесленного училища и поселены в шлакоблочном бараке на чердаке-мансарде, оборудованном под жильё.

Мансарда разделена коридором на два огромных отсека: налево – ребята, направо – девчата. В каждом – по печке, по сорок кроватей и по два тусклых чердачных окна, что утопают в косых нишах... Постоянный мрак!

Летняя благодать соблазняет более наглых девчат занять лучшие места – ближе к солнечному свету. Лизе достается совсем смурый угол за печкой, куда можно втиснуть лишь кровать; тумбочка и та оказывается на выходе. Зато в закутке есть возможность писать стихи.

Зима, однако, доказывает девчатам, что Быстриковой (опять!) повезло: не только мансарда на сорок человек, но и наступившие морозы насчитывают такие же градусы. И с дровами почти такие же проблемы...

Все жмутся к теплу, где посадочная площадка – Лизина кровать.

Её стоящая на выходе тумбочка в дни получки чем-ничем полнится, но зачастую встречает свою хозяйку пустотой. До зарплаты приходится жить впроголодь.

А девчата? Девчата помногу брать стесняются, да часто появляются...

Группа радиомонтожниц направлена работать в цех военного завода, куда работники попадают аж через три поста охраны.

Для Лизы забавно то, что производство, связанное с первым отделом – строжайшим блюстителем государственных тайн, открыто посещается высокими военными чинами – при всех регалиях! Позже тупость эта доходит и до властей; в один день военная приёмка переодета в штатское.

Цех сборочный. Работники в основном трудятся за конвейерами. У каждого своя операция. Значение собираемых узлов известно лишь узким специалистам.

Скоро Лизу отстраняют от монтажа – плохо паяет. Пельдуска же отдаёт голову на отсечение, что она прикидывается неумехой – не хочет, видите ли, работать на потоке!

Мастер участка интересуется:

– Плесовских права?

– У неё и спрашивайте, – отвечает Лиза.

– Ясно, – делает он вывод. – Не хочешь, не надо! Становись на заливку узлов. Понюхаешь церезина – поумнееешь...

Недели не прошло – Лиза умнеет. Она соображает: что если заливку узлов производить плавленным церезином под давлением, то она получится без пузырей. Потому станет меньше брака. Она и чертежи приспособления набрасывает.

Мастер смотрит набросок, говорит – однако!

Новшество утверждается. А Лизу ставят работать к вибростенду. Действительно ставят, поскольку за этой установкой сидя работать невозможно.

Вибрационных установок две. Рядом работает беременная Вера. Она готовится уйти в декрет.

Работа сложная, но Лиза осваивается дня за четыре, чем удивляет и мастера, и начальника цеха.

Рядом с будущей матерью Лиза работает около месяца. Вера уходит в декрет, а к её установке определяют юношу – Колю Грачёва.

Коля, вообще-то, уже назначен к настройщику приборов учеником, но Лиза одна не справилась бы с потоком готовой продукции.

Ожидалось, что Вера, после двух месяцев декрета, на работу выйдет. Но она берёт сперва обычный отпуск, затем – без содержания.

Коля продолжает работать рядом с Лизой.

Добрый, умный парнишка и вдруг – не желает быть членом ВЛКСМ! По советским понятиям – изгой!

Лиза свидетель того, как однажды, вызванный в заводской комитет комсомола, Коля возвращается на рабочее место, можно сказать, без лица.

Ей девятнадцатый год, а Николаю – семнадцатый. Оба они учатся в одном классе заводской вечерней школы. Коля жалуется ей, что его принуждают вступить в комсомол, иначе – грозят увольнением по тридцать третьей статье. Значит, придётся бросить школу! А ему нужна десятилетка. Он мечтает поступить в духовную семинарию.

Лиза вынуждена вспомнить те времена, когда ребята в детдоме говорили, что с Быстричихой лучше не связываться!

И вот она уже в кабинете секретаря заводской комсомольской организации. Слава Богу, на месте он один – Борис Владимиров!

Кабинет большой: кресло, телефоны... Мимо окон идёт грузовик – стол бильярдных размеров подрагивает, кувшинчик на нём играет в лучах солнца водой хрустальной чистоты, позвякивает стакан. Над головой сидящего в кресле Бориса – образ вождя...

Лиза (от порога) представляется.

Комсорг произносит:

– Наслышан, наслышан... Читал в газете твои стихи... Молодец!

Спрашивает, укладывая бумаги в портфель:

– Ну и чего тебе, Елизавета Быстрикова? Говори поскорей – спешу...

– Потерпишь, – обрывает его Лиза. – Объясни, чего тебе надо от Коли Грачёва?

– А! Вон ты о чём! – не обижается секретарь, а поясняет: – У нас на заводе только мракобесов не хватает...

– Как не хватает, а ты?! – ехидно спрашивает Лиза. – Боишься, что тебя из-за Коли турнут... с тёплого местечка!? Потому и грозишь оставить мальчишку без работы?..

– И не только грожу, – спокойно признаётся Борис. – Найду нужным – получит тридцать третью!

– А хочешь, я тебя... – подходит Лиза к столу, – не по тридцать третьей, а по той самой... За попытку... Прямо сейчас!? Только платье жалко... Но, ради тебя, падаль, порву! И поведут тебя под белы ручки... И быть тебе тогда не в кремлях, а в соплях...

– По-ошла вон!

Борис подхватывается на ноги, но из-за стола вышагнуть не успевает.

Лиза рвётся к нему навстречу, оттягивая воротник платья.

С треском отлетает верхняя пуговица. Комсорг бледнеет, бухает-ся обратно; с присвистом, произносит:

– Сегодня же... В райкоме... Поставлю вопрос ребром...

– Да хоть скелет из рёбер собирай! А я в твоём райкоме скажу, что ты говорил, будто они там все – дармоеды...

– Когда говорил!?

– Да только что! Неужели не помнишь?

Теряя лицо, комсорг шипит:

– Зассыха поганая!

Перед Лизою почему-то сразу исчезает нутро кабинета; перед нею зимняя река Тара. У проруби стоят валенки... Туда следы проложены, обратных следов нет...

Из холодной глубины проруби глядит на неё лицо Толи Аверика, а может, Коли Грачёва?

Лиза медленно берёт со стола полный графин, цедит воду в кресло – повыше комсорговых колен...

Так же, не торопясь, идёт из кабинета, на пороге оборачивается, предупреждает:

– Один в кабинете не оставайся! Подкараулю!

ЭХ, КОЛЯ

И через два месяца Вера на работу не выходит. Вернее, в цехе она появляется, но лишь затем, чтобы написать заявление об увольнении. У неё родился сын – инвалид. Причина несчастью, как решили медики, работа с вибрацией.

Вера кем-то напугана, чтобы открыто сказать Лизе правду; передаёт её с большой осторожностью. Становится ясным, что с данной частотой вибрации молодым людям работать не желательно...

Лиза дожидается, когда горестная мать уволится, затем ставит в ячейку ящика очередное изделие и заявляет:

– Тут я больше не работаю!

– Что это на тебя нашло? – спрашивает мастер.

– Не хочу рожать уродов! – отвечает она.

– Сперва замену себе найди...

– Я вам Грачёва нашла, теперь пусть он ищет...

Это говорится при Коле. Никакой подлости в словах Лизы нет; она уже успела его предупредить о возможных последствиях вибрации. На что парнишка убеждённо ответил – буду принимать монашество.

У Коли глубоковерующий отец расстрелян, так же, как у Лизы, в 37-м! Дед-священник оказался на Камчатке. Однако он умудрился и оттуда заповедать внуку: прежде – Бог, затем – Родина, потом – всё остальное!

И вот эта самая Родина предстаёт перед Колею в образе заводского комсорга, образ которого можно набросать такую перефразой: не так страшен чёрт, как его малютки...

Он позволяет членам своего комитета пресекать в комсомольцах проявление «особых» мнений, ставить, кого следует, «на вид», делать документальные выводы...

А Коля не комсомолец. Он и в ремесленном не учился. Потому не обязан, как «чижики», отрабатывать на заводе трёхлетнюю принудилровку. Но ютится Коля на той же мансарде, где и выпускники училища, поскольку живёт с матерью в пригороде.

Рабочий день на заводе с восьми до семнадцати, затем – вечерняя школа до двадцати одного. А зима лютая, снег обильный, транспорт – только русским крутым словом по нему оттянуться...

Так что мансарда для Коли – выход из положения.

Но этот выход оборачивается для Коли входом в преисподнюю!

На барачном чердаке комсомольцы-атеисты редкий вечер не устраивают над ним потехи: то бойкоты, то стенгазетная сатира, то записочки с вольными стихами...

Примыкают к издёвкам и комсомолки – вроде Пельдуски...

Лизу такие вздорища вынуждают вспоминать детдомовские меры «воспитания».

Но досаднее всего то, что она бессильна перед комсомольской бандой. Такую опухоль чужого ума оторванными пуговицами не напугаешь...

А тут ещё в заводской газете «Знамя труда», за пару недель до праздника – 8 марта, с восторженным предисловием комсорга Бориса Владимировича публикуется её стихотворение, сопровождаемое многими похвальными эпитетами.

Похоже, кем-то из девчат оно выкрадено из тумбочки Лизы:

Что от жизни человеку надо?
Как на это отыскать ответ?
Одному достаточно лампы,
А другому нужен целый свет!

Горы – восходить, не возвышаться;
Море – углубляться, не тонуть;
Друг, чтоб в мелочах не затеряться;
Отчий край, где можно отдохнуть.

И любовь нужна – для обновления,
Но не всем дано любить уметь:
Одному хватает угожденья,
А другому – проще умереть!

В конце февраля мансарда переселяется в новое общежитие, где и Лизу, и Колю принимают в свои комнаты удручённые необходимостью «позорного» соседства куражливые юнцы...

А тут публикация в заводской газете нового Лизиного стиха.

Значит, враки всё это,
Нескончаемый бред?
А любви на планете
Не бывало и нет?

Значит, кто-то однажды
Очень глупый и злой
Обошёлся неважно
С человеческой душой?

И стихи, и обеты –
Сусальность вестей?
Значит, сердце поэта –
Барахолка страстей?

Если мир так увечен,
Если это не бред,
Для чего же к нам вечность
Снизошла на сто лет!?

На этот раз стих сопровождается комментариями комсомольского актива:

«На кого тут намекает знакомый нам автор? На Бога?! Хотя Бог у неё здесь и глупый, и злой, но тем самым она и признаёт, как Грачёв, его существование...»

«Спросить надо у автора – может, она имеет в виду нечистую силу? Но, признавая чёрта, она тем самым утверждает существование Бога!»

«До каких пор мы будем терпеть в своём коллективе эту бесовщину?»

Жаль – активисты не знают, что комсомолка Елизавета Быстрикова ко всему прочему пишет ещё и афоризмы, один из которых уверяет:

То, что Небом нам не послано,
Отрицать не может плоть!
Даже отрицаньем Господа
Утверждается Господь!

Узнали бы, турнули бы из комсомола, и сами бы... послали её – к чёртовой матери!

Самое начало сибирской весны, а дырявый снег уже исходит на солнцепёках грязными, но радостными слезами. С ним заодно ликует Лиза: скоро можно будет уединяться – в парках, на скамейках бульваров...

И вот... Нате вам – пятое число марта месяца! По всей стране непролазная, воющая, дикая лавина смертельной страсти... Не извернуться, не продохнуть...

Нету больше Сталина!

Общежитие истерит на всё весеннее утро, захлёбывается рыданиями, воем вопит ...

Поневоле воскликнешь – о, Господи!

Лизавете бы тоже следовало отчаяться, но нет в её душе беды, хоть разорвись!

А заводы гудят, а машины завывают, а люди стонут, а воробьи орут...

Лиза идёт заводскою дорогою и вспоминает случай на барахолке. Там кто-то, хулиганя, бросил однажды в толпу, как потом выяснилось, учебную гранату. И вот...

Обезумевшая толпа всё опрокидывает, сшибает, давит... Мужики, парни, даже девки улезают через забор, прочие продираются в воротах...

Лизавета замерла недалеко от столба – ни страха, ни смутения; и её, и столб, не задевая, обтекает слепая толпа...

Тогда появляется уверенность, что стоять, при такой оказии, безопасней. А теперь наоборот – желание бежать как можно дальше...

Но в цехе ждёт митинг...

Выступающий за выступающим...

В свою очередь Борис Владимиров, заикаясь «от отчаянья», повторяет с высоты цехового конвейера слова предыдущего оратора:

– Скончался председатель Совета Министров СССР, секретарь Центрального Комитета Советского Союза – Иосиф Виссарионович Сталин!

Бежать – от заиканий, от всхлипов, от сморканий...

Лиза видит: чьи лица отуманены горем, чьи лукавят, а чьи – лишь присутствуют ...

Она встречается глазами с начальником цеха, который медленно кивает ей своей еврейской головою...

В цехе этого умницу любят все; она – не исключение. В момент его опасного движения Лизу охватывает тревога. Медленно озираясь, она видит неподалеку Колю Грачёва и тут же забывает о начальнике.

Никогда прежде Лиза не видела ни одного человека с таким горящим лицом. Она и подумать бы не могла, что этот тихоня способен иметь полные бешенства глаза!

Лиза спешит к нему, схватывает за рукав. Но Коля вырывается и через пару секунд оказывается на конвейере, рядом с комсоргом.

– Люди! – взывает он. – О ком вы плачете!? Господи! Кто погубил нашего народу больше, чем Гитлер! Разве не Сталин?! Будь он...

Борис Владимиров сшибает мальчишку на пол, но Коля умудряется докричать – проклят!

Оцепенелый митинг взрывается негодованием...

Лиза кидается, было, к упавшему, но кудрявый, любимый еврей успевает ухватить её за локоть и повелеть:

– Быстро! На улицу! Быстро!

Он буквально вытаскивает её из голосащего содома и толкает к выходу...

А весна выдалась отменной! Воздух, даже во дворе завода, до синевы чист, хоть и наполнен похоронными гудками. И – ни души!..

Лиза бредёт до проходной...

Она, отученная детдомами плакать, сейчас, уверенная, что Коле Грачёву теперь никогда не поступить в семинарию, плачет и не может остановиться...

Как хорошо, что никто этого не видит...

РЫБЬЯ КОСТЬ

В цехе Коля Грачёв больше не появляется. Поговаривают, что он – в сумасшедшем доме; полагают – и того хуже... Хотя – куда уж... А ему только семнадцать лет! Совсем мальчишка!

Борис Владимиров и на Лизу поглядывает с предупреждением! А его авангард – свысока! Общежитие шепчется и ухмыляется...

А на дворе – День Победы!

В городском парке – танцевальный вечер. Порхают нарядные девушки.

Лиза, в коричневом рзущном платье, по подолу отпущенном ею самой вязаным кружевом. Длинная, скукоженная, стоит у решётки, на танцевальной площадке.

В парке она иной раз появляется, но только на подхвате. Случается, какой-нибудь девахе не с кем туда пойти, зовут Лизу.

Идёт!

Она умеет и любит танцевать, но её никто не приглашает...

А вечер танцев близится к завершению.

А тут появляются двое матросов, задерживаются рядом с Лизой, присматриваются – с кем повальсировать. Она слышит их разговор.

После нескольких замечаний один говорит:

– Да вот, смотри... Какая тростиночка!..

– Да ты чо?! Нашёл тростиночку, – усмехается другой. – Коромысло ходячее. Не-е! Я люблю стройных...

Первый не соглашается:

– Это уж... кому поп, кому попадя... А сутулится потому, что ещё не расцвела...

Лиза понимает, о ком речь, делает шаг – отойти, моряк спешит

протянуть ей ладонь. Она отшатывается. Парень успевает подхватить её. И она уже кружится в своём, по сути, первом настоящем вальсе...

Лиза не понимает, о чём он спрашивает; немного приходит в себя, когда оркестр умолкает. Тотчас рядом оказываются «свои» девчата. Глаза их полны удивления и зависти. А моряк сообщает:

– В жизни так здорово не танцевал! Да ещё с такою красавицей!

Тут в груди Лизы что-то лопается – нарыв терпения, что ли? Ей кажется, что худшей насмешки над нею никто ещё не строил. И она злобно шипит в лицо парню:

– Пошёл к чёрту!

Её дерзость моряка почему-то не удивляет. Он смотрит на девчат и спрашивает, улыбаясь:

– Уж не вы ли её так... устряпали?.. Кумушки-кухарушки!

– Чо ты лыбишься!? – вдруг подступает к нему рыжая Галина Гурьева. – Тоже мне... Заступничек нашёлся! Да ты знаешь, что она...

Лиза кидается прочь, под звёзды...

А ночь ласковая, добрая.

Лиза бродит по улицам до рассвета. Досадует на то, что опять не может унять слёз. А в голове колышутся в такт её шагам строки, строки, строки:

Идёт разлука, как старуха,
Глядит на всех из-под руки.
И отдаются в сердце глухо
Её несонные шаги...

Они подхватываются заревым русским ветерком, и вместе с душою Лизы танцуют под недавние звуки вальса:

Любви соперница седая,
Надежде – желчная свекровь,
Она неверием питает
Испорченную ложью кровь.

И ещё:

В минуты дикого азарта,
Покорность требуя в залог,
Тасует судьбы, словно карты,
Изобретательный игрок...

Утром девчата, собираясь на работу, встречают Лизу издёвками. Рыжая Галя завивает перед настольным зеркалом модные пейсики, накручивая волосы на ручку вилки, гретой над свечой. В то же время она успевает есть кашу прямо из кастрюли и сообщать Пельдуске:

– Ой, Валюха! Жалко – тебя не было вчера на танцах. Видела бы ты... Рыбья кость-то наша... Растанцевалась...

– Да уж слыхала, – отзывается Валюха. – Моряк-то, говорят, задрипанный.

– А то... Нашёлся заступник... Я ему как выдала, что она у нас всё проссала...

И тут в Лизе не лопается – трескается нутро. Взмах руки и кастрюля с кашею летит в рыжее лицо. Зеркало – вдребезги! Горячая вилка на ноге хозяйки...

Одним махом – на лице синяк, на руке порез, на ноге волдырь! Визгу больше, чем в день смерти Сталина. К обеду у пострадавшей и больничный готов, и жалоба начальнику цеха...

Лиза стоит на пороге его кабинета. А он молчит. Он смотрит и молчит. А ей в пору провалиться сквозь землю...

Минуты через две спрашивает с расстановкой:

– Ты хоть один раз... видела себя в зеркале... путём? Ты посмотришь, как следует! Ты же красавица, а размениваешься на мелочь обиды...

Да что же это такое?! Уж от кого, от кого... А чтобы от него!..

Слёзы вновь подбираются к глазам. На этот раз они восходят не из груди, а спазмами выдавливаются из живота. Не хватает – зарыдать... Лиза спешит отвернуться, уйти, но её окликает славная секретарь Наташа:

– Лиза! Тебя к телефону.

Трубка некоторое время сопит мужским дыханием, затем поёт:

Как у Лизы на постели
Груши-яблоки поспели.
Отчего они поспели –
Лиза ссытся на постели...

Телефон хохочет, а животные спазмы внезапно унимаются.

– Спасибо! – спокойно говорит Лиза и кладёт трубку на рычаг.

Уходит уверенная, что теперь, если и заплачет, то очень нескоро...

И вот опять воскресенье. Опять – вечер танцев. Девчата исчезают. Лиза остаётся.

В одиночестве она подходит к настенному зеркалу и вглядывается в себя. Долго вглядывается, очень долго...

Может свет вечерющего неба, может, темноватая амальгама зеркала в какой-то момент открывают перед нею то, на что можно смотреть не отрываясь...

Следующим утром Лиза выходит из общежития другим человеком...

ВОТ И ЛАДНО

Лизу определяют работать к пульта – сооружению из семнадцати приборов, на котором проверяются параметры изделий. Когда таковых набирается ею целая партия, военной приёмкой делается выборка – для испытаний на полигоне.

«Завалится» хотя бы один узел – аврал! Перепроверка всей партии – днём и ночью. И не приведи Господь – повторный огрех! Тут вступает в свои права первый отдел! Завод военный! Нет ли вредительства?!

Лизе только осенью исполнится девятнадцать лет. Но первый отдел – не посчитается!

И вот оно – партия завалилась! Тут у военпреда виновными оказываются все: и начальник цеха, и ведущий инженер, и конструктор, и мастер участка, и, само собой, Лиза!

Мастер участка – Аркадий Абрамович, или просто Аркаша, после института – неделя, как появился в цехе. И сразу – такая оказия! Опыта никакого. В показаниях пульта он – полный профан.

Вообще-то и бывалые специалисты не думается, чтобы смогли тут же назвать допустимые параметры изделий.

Вся надежда на Лизу.

Опытные специалисты – исключительно евреи! В таком общении главное для Лизы, что она, при этих умниках, чувствует себя далеко не глупой! Потому, в тайне, рада случаю; она готова трудиться с ними хоть все ночи напролёт!

Аркаша не отходит от пульта – волнуется. Он разом и учится,

и помогает: подаёт и укладывает изделия в зелёные длинные ящики с надписью «МЕТИЗЫ» и фиксирует в журнале показания...

Времени у него хватает ещё и для разговоров с Лизой.

Он – добрый говорун. Скачет от слова к слову, вроде – без темы. Но это не так.

– О! – восклицает он. – Я тоже люблю Гоголя...

– Надо же! И я бегаю на Рафаэля Клейнера... Отлично читает стихи...

– У меня старший брат тоже стихи пишет, – сообщает он. – Вообще-то он медицинский закончил. Невролог. Зиновий Абрамович. Он в нашей заводской поликлинике работает. Тебе не приходилось к нему обращаться?

Лиза напряжена показаниями пульта. Слушает его вполуха...

Но Аркадий продолжает:

– Когда я маленьким был, Зяма Аркашей меня не звал. Всё Кашка да Кашка...

– Старше на семь лет, а до сих пор – я для него Кашкой остался...

– Когда я в цех пришёл, мне сразу сказали, что ты детдомовская...

– И что стихи пишешь...

Лиза, напряжённая показаниями приборов, добавляет почти машинально:

– И что я – зассыха...

Она привыкла носить срамные бирки...

– Об этом тоже сообщили... – легко признаётся Аркаша.

Откровение звучит так просто, будто речь идёт о старых тапочках. И далее Аркашины слова плывут безо всякой ряби:

– Братишка у меня – умница... Я с ним уже поговорил... Начтёт тебя...

– Не бойся. Не пошлёт к урологу. Обещает поговорить и только... Одной беседы, говорит, достаточно...

– Такая неудача бывает часто связана с нервами...

– Партию сдадим – сходи к нему? Хорошо?..

Лиза молчит. Лиза смотрит на приборы слишком внимательно – так проще медленно кивнуть... В ответ Аркаша облегчённо вздыхает, будто завершил наконец тяжёлую работу.

– Вот и славно!

К полуночи сообщается, что партия изделий принята! Все вместе устраиваются поужинать. Со всеми и военпред – Рабинович Илья Александрович.

На дворе – июль пятьдесят третьего года, а в памяти – не кончается война, хотя из её участников, среди собравшихся, только он – большеглазый красавец майор.

За ужином узнаётся:

Илья Рабинович – бывший лейтенант-артиллерист, контуженным попадает в плен. Весёлый комендант фашистского лагеря решает позабавиться над беспомощным евреем. Он организует ему «побег», чтобы поймать и наказать! Затем позволяет подлечить. Опять – побег, опять ловля... Следы трёх поимок щедро прописаны по всему торсу полуобнажённого, по просьбе слушателей, майора. Тридцать семь рубцов, оставленных остриём ножа, насчитывает Лиза. А речь идёт о пятидесяти двух!..

После долгого застолья, на рассвете, отпуская Лизу домой, Аркаша напоминает:

– Сегодня отдыхай, а завтра... Зиновий Абрамович будет ждать... После обеда...

Стоило только отворить дверь кабинета, как Зиновий Абрамович восклицает:

– Лизавета? Быстрикова? Кашка вчера звонил... Знаю, знаю – стихи твои в газете читал. А ты слышала – в клубе «Клары Цеткин»... Да ты присаживайся... В клубе есть литературное объединение? «Молодость» называется. Не слышала?! Узнай! По пятницам, по-моему, занимаются. Поэту непременно нужна аудитория... Они иной раз выступают и в клубах, и у студентов... Приходилось слушать... Друзей там обретёшь! Друзья по интересам – надёжная, кстати, штука! Не то что общежитие... Тут что? Тут – скопище! Тебе его уже хватило... А в объединении – дружина! А я о тебе всё уже знаю... Даже позавидовал: как можно выстоять!.. Ко всему ещё и стихи писать!

Он разводит руками, спрашивает:

– Писать-то, поди-ка, негде? – и размышляет вслух. – Надо что-то придумать...

Думает минуту и опять спрашивает:

– У уролога была? Нет?! – удивляется Лизину неведенью. – Кто такой уролог?! – И отмахивается: – Да Бог с ним, с урологом! Тебе он незачем... Скажи, тревога у тебя перед сном бывает? Мм-да! Часто просыпаешься ночами?.. Людей сторонишься? Мм-да... Всё понятно... Хорошо... Отлично!.. И ступай себе... Домой, куда ещё!.. А мы тут подумаем, порешаем...

Лиза идёт к двери. Доктор удерживает её советом:

– Ты в клуб-то, в «Клару Цеткин», непременно сходи! Непременно! Стихи у тебя далеко не дурные... Поэту необходима аудитория...

Так толком ничего и не поняв – кто такой уролог? какому поэту нужна аудитория? кто что порешает? – Лиза мается этими вопросами до ночи.

Утром, по дороге на работу, её догоняет секретарь начальника цеха – Наталья. Явно зная подкладку сообщения, говорит с улыбкою:

– Леонид Андреевич вечером просил, чтобы ты сегодня, до пяти минутки – сразу к нему!..

Наталья – не молодая, не старая; но доброты в ней – на все времена. Поэтому Лиза ответно улыбается.

В кабинете – Леонид Андреевич и Аркаша. Оба сияют. Лиза не может понять, чья радость ей больше нравится, потому смущена.

Долго её не томят: оба, почти в голос, сообщают, что директор завода согласился выделить ей в деревянном заводском доме оборудованную под жильё бывшую ванную комнату (с кроватью, постелью и тумбочкой).

После оказалось, что в коморке мог бы поместиться ещё и стул, но попросить о том Лиза не осмелилась.

В тот же день общежитие наполняется ропотом зависти и недоумения:

– Вот тебе и ссыкуха!..

– Когда успела?

– Неужели с Аркашкой?!.

– Ну, не с Леонидом же Андреевичем...

– А, ч-чёрт! – узнавши новость, взвизывает комсорг Борис Владимиров. – Ничего не понимаю!..

На этот раз он – прав, потому как «понимать» поздно, да и не в его праве что-то изменить...

СТЕРВА БЕССТЫЖАЯ

Лизою жильё в деревянном доме – полтора метра на два – занято вот уж как целая неделя. Этаж первый. Окно нормальное – большое. Открывается в проход меж домов...

На дворе июльский вечер. Оконными занавесками играет ветришко.

Лиза читает, лёжа на кровати. Перед нею так шумит океан, в котором орудует Синдбад-мореход, что шорох за окном её не настораживает.

В сентябре ей стукнет девятнадцать, но она всё ещё живёт фантазиями. Победная чистота сказок обнадёживает её: верится, что в мире торжествует справедливость! Собственное враньё у неё чревато ловушками. Зато, как битая собака, она чует глубину чужого подвоха. Потому всегда начеку.

Однако на этот раз шёпот из окна слышится ей не сразу:

– Хозяюшка-а! – повторяет оконное нетерпение.

Лиза видит на подоконнике ухоженную мужскую голову.

– Ну! – спрашивает она. – Чо надо?

– В гости меня не пригласишь?

– С какой стати?!

– Нравись ты мне, – зыряка краями глаз по сторонам, врёт Голова.

– И давно?! – лживо удивляется Лиза.

Ей забавно, что Голова не слышит в её голосе издёвки: может, блудлива, может, скудоумна? Отвечает шёпотом:

– Да как увидел...

– А когда увидел-то?

– Порядошно! – пытается Голова определить срок возникших в ней желаний.

Но срок не успевает определиться. Голова вдруг падает с подоконника. Лиза выглядывает наружу; но ей удаётся увидеть лишь примятую под окном траву...

Минуту спустя перед нею опять шумит океан.

Через пару дней, вечером, Голова снова ложится на подоконник и начинает выяснять:

– Надеюсь, тут обо мне не забыли?

– А то как же! – отвечает Лиза.

– Может, встретимся? Через часок...

Куда нужно Лизе явиться «через часок», Голове опять не удаётся прояснить.

Лиза спешит выглянуть в окошко, но видит только светлую полу пиджака, упорхнувшую за угол дома. Зато из-за другого угла – выплывает каменная старуха...

Лиза узнаёт её...

В первый же день Лизиною переезда из общежития в коммуналку в прихожей появляется эта бабка, чтобы узнать: кто такая новая жильчиха, кем работает; если не болеет туберкулёзом, то за какие заслуги получила отдельное жильё? Поди-ка схлестнулась с начальством...

Лизины амурсы с мужиками стали для старухи верным выводом, поскольку «подтвердились» только что увиденным.

Она приближается к Лизиному окну, говорит – э-эх! плюёт в землю и шествует дальше.

Следующим вечером, возвращаясь с работы, Лиза слышит за спиной уже знакомый голос:

– Стерва бесстыжая!

Лиза не осознала бы услышанного, если бы словесная казнь не продолжилась:

– Мужик у полсотни!.. А эта курва!.. Не успела переехать, уже... приветила... Понятно, чем она заработала отдельное жильё... Теперь есть, где кувыркаться...

Лиза останавливается, смотрит на сидящих у подъезда старушек.

– Чо вылупилась?! – злобно спрашивает её знакомая бабка и, указывая на Лизу пальцем, объясняет кумушкам: – Вот из-за таких, как эта, прости Господи, и рушатся семьи...

Другая старуха торопится, помягче, сообщить Лизе:

– Ольгу знаешь?.. Худенькая такая бабёнка. Да ты уже не могла её не видеть... В этом подъезде они живут, в седьмой квартире. Ольга – Иванова жена... А это её мать, – гладит она руку злой бабки. – А вчера Иван поколотил её... Ольгу-то...

– Из-за тебя, сучка! – уточняет мать побитой.

Не говоря ни слова, Лиза направляется в указанный подъезд.

На пороге седьмой квартиры возникает хрупкая женщина с синяком в пол-лица. Глазищи налиты слезами, но – ни стоны, ни всхлипа, ни упрёка...

– Вы Ольга? – утвердительно спрашивает Лиза, настырно вступая в прихожую.

В ответ – кивок.

– Мне старухи во дворе сказали, что вас из-за меня муж побил?!

На этот раз кивок – в сторону кухни.

Лиза понимает, что её там слышат, потому повышает голос:

– Так вот! – заявляет она. – То, что ваш паршивец два раза скулил под моим окном – это правда! Только русская пословица говорит – не каждому кобелю достаётся... Так вот! – от напряжения повторяет она. – Передайте... этому... мартовскому коту, что если я... ещё хоть раз услышу, что он на вас поднял руку, пойду в партийный комитет и расскажу, что он просился ко мне в любовники! Передайте вашему засранцу, что я умею очень правдиво врать...

– Ясно?! – спрашивает она, распахивая дверь в кухню. Но возникшая перед нею спина не даёт никакого ответа...

– Молодец девка! – новым вечером слышит Лиза, подходя к дому. – Не побоялась... Иван-то вчера... Орал паразит на Ольгу, но не тронул...

Лиза не оборачивается. Заходя в свой подъезд, она с усмешкой шепчет:

– Погань трусливая!

ГУБОШЛЁП

Руководитель литературного объединения, он же начальник отдела кадров одного из крупных заводов города, в глаза именуется молодыми литераторами просто – Архипыч, за глаза – Губошлёр.

Лизе тут же становится понятен уровень уважения питомцев к наставнику. Он же, в свою очередь, называет их поэтами, что приводит Лизу в недоумение: Пушкин, Некрасов, Лермонтов – поэты! А здесь? Старатели литературных приисков...

По уставу объединения – с творчеством новичка знакомятся сразу.

Лиза предстаёт перед «старателями» с тетрадкой в клеточку.

В тесной комнате почти у всех «поэтов» – нога на ногу, лица мудрые, речи – «высокие». Первая часть занятий проходит в заумной болтовне! Затем начинается «разборка».

– Быстрикова Лиза! – оглашает Архипыч. – Давайте, поньмашь, послушаем её.

Перед Лизой море напыщенности!

Хотя и позы, и мимика кажутся ей плохой игрою, волнение накатывает настоящее. Его мелкой зыбью выдаёт тетрадка. Но уже ко второй строфе Лиза уходит, а свой мир и оттуда доносится:

Чтобы зазря не тратить время,
Перемывая слов руду,
Я продолжаю свято верить,
Что я найду его! Найду!

Найду тот самый самородок –
Тончайший смысл между слов,
В котором мудрая природа
Сияет радугой основ!

И сладкой болью вдохновенья
Вдруг, из застенчивых времён,
Взойдёт во мне стихотворенье –
Труда незыблемый закон!

Душа победно и устало
Замрёт в восторженной груди,
А сердце, как ребёнок малый,
От счастья пустит пузыри.

– Мм-да! – после недолгого молчанья произносит Губошлёп. – Ну-у! Кто?! – спрашивает он, деловито обводя лица присутствующих приспущенными на нос полутёмными очками. Затем решает. – Что ж... Попробую я сам...

И приступает:

– Неплохо, неплохо! Только начало какое-то... обрубленное. Хотелось бы услышать от автора, после чего она «продолжает» верить в «самородок»? Тут надо заметить, поньмашь, что «самородок» слово тяжёлое, потому оттягивает «тончайший смысл», предлагаемый читателю автором. Тем более что «радуга» – наоборот: нечто воздушное, лёгкое, восходящее! Это противодействие слов, поньмашь, затрудняет восприятие того, что хочет сказать автор.

Слово-паразит «понимаешь» звучит в его произношении как «пoньмaешь». Произносит его Губошлѐп ещё и причмокивая.

Лизе кажется, что он всякий раз подхватывает толстой губою обильную слюну.

Вот он умно замолкает, наклоняет голову, а затем продолжает ви-
тийствовать:

– Дальше, поньмашь, – «сладкая боль вдохновенья». Она появля-
ется у неё из каких-то застенчивых времён?.. Какие такие времена,
когда автору девятнадцати нет?! Опыта по сути никакого... И потом
– «труда незыблемый закон»? Настолько всё размыто... А уж по-
следние слова – «...а сердце, как ребёнок малый, от счастья пустит
пузыри!» Это же... инфаркт какой-то получается! О каком счастье
тут может идти речь?

– От счастья, вообще-то, бывает такое... – приснув, замечает не-
кто с «полубоксом» на голове и в распахнутой рубаше на молодой,
но уже волосатой груди...

А другой – молодой, но уже бородатый, просительно велит:

– Пусть ещё почитает...

Лиза покоряется, хотя успевает потерять настроение. Оттого чи-
тает совсем спокойно:

Золотая середина!
Это значит – ни морщины,
Это значит – ни седины...
Из воды и из огня
Золотая середина
Может вызволить меня.

Только мне – дорога в гору!
Только мне – стеной туман.
Коль огонь, так чтобы море!
А вода – чтоб океан!
А не тазиком на спину,
И не в зеркале – заря...
Золотая середина,
Ты, увы, не для меня!

Мне скакать, так чтоб со стоном,
Мне молиться, чтоб был Бог!

А не в рамочке икона,
А не в ризе скоморох!
Чтоб мой маятник пружина
Вечно двигала, звеня!..
Золотая середина,
Ты – погибель для меня!

– Мм-да! Неплохо, неплохо! – повторяет Архипыч. – Только я тут ребятам сто раз уже говорил, а теперь вынужден лично Быстрикову Елизавету спросить – кому нынче нужна ваша лирика?! «В буднях великих строек», – уточняет он, – необходима поэзия серпа и молота! Поэзия проката, поэзия проходной...

– Поэзия рабочей усталости... – с усмешкою шепчет сидящий рядом с Лизою парень с волосатой грудью.

Заглушая шёпот, Губошлёп ударяет кулаком в ладонь и сообщает:

– Только тогда, понимаешь, вас будут публиковать!

Сидящий рядом опять довольно громко шепчет:

Твою мать, твою мать!
Будут нас публиковать,
Чтоб затем про Губошлёпа
Услыхала вся Европа...

Лиза, сколько помнит себя, никогда не была наивным ребёнком. И всё-таки до этих пор умудряется им оставаться! Потому просто-душно произносит:

– Батюшки мои! Что это за хреновина!? Выходит, что Пушкин теперь не в тему?

– При чём здесь Пушкин?! – почти злобно недоумевает Губошлёп. – Уж не себя ли ты с ним равняешь? Я тебе сразу скажу: гений из тебя не получится...

– С меня и Быстриковой хватит! – дерзит Лиза от накатившей неприязни.

– Если хватит, зачем пришла?!

– Затем, что, кроме вас, тут ещё и люди есть...

Архипыч теряет и, пожимая плечами, спрашивает ребят:

– И где только таких воспитывают?! –

– В нашем государстве! – сообщает Лиза и уточняет: – Я детдомовская.

– То-то...

От весомости сказанного «то-то» Лиза взрывается, говорит пронзительно:

– Поньмай, не поньмай, а на чужом хребте не въедешь в рай...

– На твоём, што ли?

– Не на моём, а на нашем...

– Ну, – сокрушается Губошлёп, – нагляделся я за двенадцать лет руководства всякого шутовства, а такого!..

– О! – мешая ему договорить, восклицает Лиза. – У меня есть – про шута. И она смело кидается в чтение:

Я шут! Смотрю на короля,
Тая сюжетную измену,
Но шутовская роль меня
Ещё не вывела на сцену.

Не всякий запасной дурак,
Страшась публично осрамиться,
Напялить шутовской колпак
Себе на голову решится.

Но верю я, садясь за грим,
Что только шут имеет право
Перед величеством самим
Без опасенья молвить правду.

Надёжней этой роли нет,
Где б своенравье так раскрылось.
Я к этой роли столько лет
По дебрям времени стремилась!

Отшельником, в тиши ночей
Свой страх пред критикою зала
Я непокорностью своей
Из прозябанья вышибала!

Король!
Мне лучше, чем тебе!
Усердие лукавой черни
Не обеспечит мне побед,
Но и с подножия не свергнет!

Губошлёп дёргает головою, украшенной ухмылкой. Советует:
– Ну, что ж! Попробуй, опубликуй свой шедевр. Только никому не говори, что это я тебе посоветовал...

– О, Господи! Да при чём здесь публикация?! Да при чём здесь вы?! Успею я ещё и в печать, и на ваше место... А вот вы на моё – фиг с маслом...

– Вы посмотрите на неё!.. Ей на моё место захотелось! Ах, ты!..

– Ну, давай, давай... Кто – Ах, я?!..

– Пошла вон!

После этого Губошлёп зеленеет и глохнет...

Лиза направляется к двери, не оборачиваясь, говорит:

– Всего доброго! До следующего занятия...

НОЧЬ РОЖДЕНИЯ

Вторник. Завтра день рождения Лизы. Ей выписаны к получке десять рублей премии. Но силы у государства не хватило выплатить зарплату своевременно.

Литобъединенцы встречаются по пятницам. В квартире и вовсе нет никому заботы о её лети... В одной из комнат – баба Ханя с дедом – добрейшим Мокеем-паркенсоном, в другой – затюканная мужем-пропойцей сорокалетняя старуха Нюся. С нею бы можно по-сидеть-потолковать, но у Лизы от жалости к ней закатывается сердце – хочется задавить её рыжего, кудреватого Толяна.

И всё-таки хорошо родиться ранней осенью! Всё поспело! Кругом переливается, трепещет, стелется под ноги природное золото!

Угоститься бы чем в такой день, но... Хотя... Дома, в тумбочке, ожидает Лизу кусочек солёного сала, горбушка хлеба и пара зубчиков чеснока.

«Сшас приду, натру горбушечку и... с салом!» – думает она, шагая после работы домой.

Издали видит распахнутое окно своей «ванночки»; не может вспомнить – закрывала или нет? Решает, что сама – разиня. Однако не только окно, но и дверь её каморки оказывается распахнутой.

Квартира, несмотря на сквозняк, воняет водкой и прелью немывтого мужика. В полуоткрытую дверь видно, что на её кровати лежат чьи-то кирзовые сапоги.

При осторожном приближении хозяйка видит – вставлены в сапоги худые ноги в трико – пузырьём, которые уходят в тощую задницу, задница сужается в хребёт, добавляется куриной грудкою и кадыком. Остаётся добавить стриженую головёнку с розовыми ушами, которые желают напомнить Лизе детдомовского директора – Штанодёра.

По полу каморки пораскиданы рукописи и фотографии...

Лиза в недоумении озирается.

Баба Ханя, с порога кухни, манит её к себе.

– Это нашему внучку, по смерти Сталина, амнистия вышла... – шепчет она. – На двадцать лет забирали... И... На вот! Явился! Надеялись – до его приходу прибраться... Как теперь доживать?... Они тут, с Нюскиным Толяном, разом снюхались... Вишь вон – как нажрался... Толян-дурак доложил ему про то, что в ванночке девка красивая живёт... Он сразу велел нам с дедом в комнату нашу даже не заглядывать: с тобою собрался там поселиться. А меня с дедом к тебе, сказал, перекидает... Ишь вон... Уже и спать у тебя завалился... Вызывали Петра-участкового; тот сказал: убийства нету, кражи нету, а так – сами разбирайтесь... Вот мы и высиживаем тут, тебя дожидаемся. Чо делать станешь?!

В кухне за столом дед Мокей – трясётся и плачет...

Тем временем Лиза думает про спящего «жениха»:

«Этот «Штанодёр» сволотнее Цывика будет!..»

А впереди – осенняя ночь! Шесть вечера – на улице уже свежо...

Однако ночевать Лизе что в подъездах, что на парковых скамьях – не в новинку...

Лиза не хочет ни с кем связываться. Она молча направляется к выходу.

Баба Ханя, в спину ей, плачет:

– Ты чо ж это?.. Куды ж ты?.. Нам-то чо теперь остаётся?..

– Я сейчас уйду, а вы его минут через пять разбудите – скажите, что в милицию пошла...

Просыпается Лиза на скамье недалёкого сквера от собачьего лая. Перед ней два милиционера: молодой и в возрасте. Первый хватает её за шиворот, при этом сообщает второму, который на поводке держит овчарку:

– Не-ет. Вроде не пьяная...

– Да уймите собаку! – требует Лиза. – Нашли пьяницу!

Сторонясь пса, она отряхивается от напавших кленовых листьев и ехидно хвалит блюстителей порядка:

– Это хорошо, что вы меня «поймали». Пойдёмте, – зовёт, – со мною. В квартире у нас непорядок...

Но «жениха» дома не оказывается.

Старикам удалось его напугать, но сами они всё ещё сидят в кухне.

– Про вас, родимые наши, как сказали ему, так холера его куда-то унесла, – поясняет баба Ханя служивым, которые, не находя причины задерживаться, тут же пропададут в ночи.

Старики решаются пойти к себе.

А Лиза вспоминает о хлебе с салом. Однако тумбочка пуста...

Лиза укладывается, но не успевает путём задремать: квартира полнится пьяными матерками и женским визгом...

Лиза, похватав одежду, прыгает через подоконник на улицу. Какое-то время она бродит поодаль от дома, прислушивается... Потом приближается к окну комнаты стариков.

Ей виден дерматиновый диван, на котором что-то шевелится, укрытое простынёй. Лизе хочется понять происходящее. Она не замечает, как сзади к ней подкрадывается хмельной сосед – Толян. Он хлещет её наотмашь ниже спины; хохоча, говорит:

– Подглядываешь, лярва?! Самой давно пора...

Что ей давно пора делать самой, объявляется Толяном с такой стервозностью, что Лиза чует вонь падали, которая, в страстях, может навалиться на неё, как Цывик... Сам же Толян, в малом свете луны, видится ей поросшим зелёной плесенью...

Лизе остаётся только удирать от всей этой зелени и затхлости.

Она вновь оказывается на парковой скамье...

На рассвете идёт домой, заглядывает в окна. Старики ночуют в кухне на полу.

Оконным ходом Лиза проникает в свою келью. Но уснуть ей так и не удаётся. В дверь квартиры стучат.

Появляются те же двое с собакой...

Оказалось, что к полуночи Толян уже валялся убитым в пьяной драке у подъезда соседнего дома.

Заподозренного в преступлении дохлого соседа-пришельца находят за оконной шторкою в комнате стариков.

Молодой мент пристёгивает его наручниками к себе и уводит. Пожилой, только не силой, принуждает Лизу следовать за ним.

– Сколько тебе лет? – по дороге спрашивает он.

– Сегодня девятнадцать, – получает ответ.

– О! Поздравляю!

– Спасибочки...

А он и желает спросить: – И не тошно тебе с такими...

Лиза опережает его вопрос:

– Да с вами куда тошней...

– Ну-ну! – полыхает явной угрозой милиционер.

Лиза не пугается.

– Не кобыла – не понужай! – грубит она.

– Ты, девка, не гонорись! – повышает он голос, но слышит и того дерзостней:

– Девка, это твоя детка, а я для тебя по протоколу – Елизавета Леонидовна...

В милиции, когда писал протокол, или что у них там пишется, пожилой блюститель порядка пояснял:

– Так вот, Елизавета Леонидовна! У тебя только не под окном драка с убийством произошла. Не могла ты спать в это время... Не могла не видеть...

– А может быть, и участие принимала, – добавляет молодой.

– Потому и отказываешься от показаний... – опять подхватывает пожилой.

А молодой строжится:

– И сидишь тут – выгибаешься! Говори, что знаешь!

– Что знаю? – наивно переспрашивает Лиза. – Пожалуйста...

Не веря в реальность происходящего, она лыбится, как привыкла в оные годы, и декламирует:

...Ты, по-собачьи, дьявольски красив,
С такою милою, доверчивой прищечей.
И никого ни капли не спросив,
Как пьяный друг ты лезешь целоваться...

– Заткнись! – уже рычит молодой. – Штрафанём сейчас за оскорбление...

– Ба-а! – сильно удивляется Лиза и спрашивает с издёвкой: – Неужто Лермонтова не знаете?!

– На хрена мне твой Лермонтов! Говори, что видела!
– А ни хрена и не видела... Спала я. Понял?
– Хорошо... – вдруг соглашается пожилой. – Твоя взяла... Отпускаю...

Это было сказано таким тоном, что Лиза улавливает подвох.

– Спасибо, дяденька, – в таком же настрое отвечает она, даже не дёрнувшись – оторваться от стула. – Спасибо, родимый! – благодарит, повторяя бабу Ханю.

– Не за что, золотая моя! – отвечает блюститель, оказывается, не лишённый юмора. Потом добавляет: – Заодно и «жениха» твоего отпущу. И даже домой провожу, чтобы чего не натворил дорогой... Будет тебе подарочек на день рождения...

В замешательстве Лиза молчит, но затем соглашается:

– Вот счастье-то привалило!

И спрашивает:

– А к прокурору, заодно, не проводишь?.. Не хочется? Вижу! Тогда давай справочку – за что вы меня тут всё утро проволокители. Некогда мне подарки от вас принимать – работа ждёт...

И всё-таки спасибо советской милиции: ни тою ночью, ни тем днём, ни неделей, ни месяцем «жених» Елизаветин в коммуналке не появляется...

КТО Я?

Лиза-контролёр трудится в сборочном цехе «почтового ящика», за стеною которого – цех гальваники. Там работает Зоя-гальванометрист.

Лиза, в свои двадцать лет, выбросила бы из памяти одну только мороку – Володю Войцеховского. А Зоя, в свои тридцать два, хотела бы от многого избавиться... Но прошлое прошлым полнится...

Зоя – красавица, каких поискать. Этим достоянием она орудует всю...

Её супруг – сутулый, невзрачный служака – начальник первого отдела! Очень ответственный. Жёнушку развлекать некогда...

Лиза тоже набрала красоты, но в ней не успела ещё отболеть слишком долгая неуверенность. К тому же за нею очень серьёзно «ухаживает» поэзия.

К тому же в детдомах сумели приглушить свет её подлинности. Зато научили затаиваться, придуриваться, огрызаться, а допекут – так и наглеть.

Ещё тогда, в четырнадцать лет она осознаёт:

Кричи, душа, на перекрёстке быта,
Там, где собака истины зарыта.
Но только не забудь, сходя с ума,
Ты от природы, словно смерть, нема!

И всё-таки, в глубине души торжествует её корневая натура:

Не перестану удивляться
Простому хлебу на столе,
Осине (в трепете оаций),
Скирде, взошедшей на стерне.

Стакану молока парного,
Скамье просторной у крыльца.
Морщинам старого лица,
Весенним силам молодого.

Не отрешить меня делами
От слёз ребёнка во дворе,
От жаворонка – на заре...
И от поэзии – ночами!

Поэзия дарит её душе полный набор жизненных отображений. Её трогает любая мелочь, будь то драка у пивного ларька или улыбка случайного встречного, или кокетство красавицы Зои...

Ясная погода её натуры часто застилается чужими туманами, моросью, грозами... Сами собою слагаются тяжёлые строки:

С утра стирает дождик затяжной
Намыленный ветрами день вчерашний...
Такою затрапезною порой,
Пожалуй, только умерать не страшно.

И в самом деле: всё, чем дорожил,
Вдруг заслонила горькая обида –

Как будто всех знакомых пережил,
По всем друзьям отправил панихиду.

И некому тебе закрыть глаза...
А дождик нует за окном бессменно...
И грезится – воскресший бронтозавр
Шершавым боком чешется о стену.

И всё-таки, врождённое жизнелюбие продолжает в ней торжествовать:

Я ловлю в облаках силуэты скитальцев, манящих
От тревожных раздумий в далёкие тайны былин,
И до смерти боюсь, что растают, под солнцем палящим,
Их волшебные лики в сверкающих нимбах седин.

А они всё бредут и бредут, как паломники в Мекку.
Ни конца им, ни края на синих дорогах небес.
И не трогает их непродуманность нашего века,
И не страждут они ни открытий и ни чудес.

Но чем дольше я вглядываюсь в их отрешённые лица,
Тем сильней закипает во мне беспокойная кровь,
Словно мудрость Земли предо мной за страницей страницу
Неустанно листает огромную книгу веков!

Облака всё глядят в душу мне уплывающим светом,
Словно я непременно должна до заката понять
И ответить: что может моя дорогая планета,
Что желает о нас в эту книгу веков записать?

Последнее стихотворение, напечатанное в заводской газете, было прочитано Зоей и пожелалось ей, под выходной день, пригласить Лизу в гости. А как откажешься, если честь оказана такой матроной!

Но мир наобум раздору – кум!

Она уверена, что побывает в Зоиной (всем на заводе известной) богатой квартире. Но в восемь часов вечернего января такси катит их к частному сектору и тормозит у ворот мазаной избёнки.

Двое парней подскакивают к машине, распахивают дверцы, протягивают «дамам» ладони.

Лиза обескуражена неожиданностью. Глядя на поданную руку, говорит – ну, вот ещё, и сама оставляет сидение.

Но её всё же подхватывает под локоть крепкая рука...

В тихом свете избы Лиза узнаёт, что рука принадлежит улыбчивому, лет двадцати пяти, черноголовому, кудрявому Михаилу-штангисту. Его друг Николай, тех же лет, в тяжёлом спорте – никто. Он КТО в шахматах и в медицине и, понятно, в Зоинном сердце... А Михаилу (в компаньонки) доставлена Лиза, которая до двадцати лет не знает, что такое брудершафт, чем смешит компанию.

Вот уж на часах – десять, вот – одиннадцать... Пора бы домой! Телефона нет – такси не вызовешь. Да и откуда у Лизы деньги на такси?!

Имба-пятистенок – кухня и комната. В кухне, где они сидят, – диван, в комнате – кровать. На диване Зоя прижимается к Николаю. В ней явно тлеет нетерпение. Но чтобы оставить пару наедине, Лиза должна оказаться с Михаилом в комнате.

И тут ей на выручку является наглость! Она спрашивает:

– Где у вас сортир-то?

– Прости! – извиняется Николай и вносит ясность: – Во дворе. Тропинка там почищена...

– Я провожу, – поднимается Михаил.

– Ещё чего! – грубо останавливает его Лиза.

С крыльца она торопится до низенького, за уборной, плетня. Утопая в снегу чужого огорода, направляется в сторону дороги.

В ней царит детдомовская злость! Лица обоих парней сливаются в одну рожу Цывика, которая плавится похотью. Она шепчет:

– Ну, спасибо, Зоенька, за приглашение за такое! Теперь сама разбирайся – с двумя-то кобелями...

В её голове шевелятся чёрные, лохматые вопросы – что же всё-таки произошло тогда?! В тот проклятый детдомовский день?! Что с нею сотворил Цывик?! Отнял у неё девичью честь? Или не отнял?

Она до того живо представляет воспитателя, аж задыхается вонью его слизи... И вдруг осознаёт, что же сейчас могут вытворять «кобельки» над несчастной Зоей!

Вернуться надо! Спасти!!

Но в это время на крыльцо выходит Михаил, раз-другой оклика-ет её. Затем затворяет за собою дверь и идёт за ворота...

Лиза садится на снег и говорит себе:

– Может, не надо было уходить... Узнала бы – девушка я или нет?

Прячась в снегу, она видит, как удаляется Михаил. Затем, не от-ряхиваясь, сама выбирается на дорогу, и чтобы не зареветь, читает недавно сотворённые строки:

Греха на душу не возьму –
Я преступлений не свершала.
Но почему? Но почему
Я так безвыходно устала?!

Дома оказывается только за полночь.

АРБУЗ

В Новосибирске коммунального моста через Обь ещё нет. Летом переправой служит настил на понтонах, зимой – лёд. И только бла-годаря железнодорожному мосту обе половины города круглый год соединяются передачей-электричкой.

Август. Год засушливый. Лиза возвращается домой из Кулунды.

В числе молодых рабочих, посылаемых в сёла на сезонные рабо-ты, она заготавливала камыш для грубого корма скоту.

А теперь она в вагоне этой самой передачи. Сидит, вспоминает недавнюю потеху – в подшефном колхозе.

Лиза там была не первый раз: то на покос пошлют, то на про-полку, то на жатву. Даже доверяли быть каменщиком на постройке свинарника. Даже работала трактористом во время осенней пахоты.

Председатель колхоза – Пупков Степан Иванович – пьяница и бабник, по годам – Лизин отец, пару лет, со хмельной любезностью, пытался учить её водить уазик. А в это лето его любезность при-нимает иную форму, которая теперь и вызвала на её лице улыбку...

...Вблизи такого озера и поставлена брезентовая солдатская па-латка, что вмещает всю компанию заводской молодёжи, прибыв-шую на заготовку камыша.

На ночь в ней укладываются налево – ребята, направо – девчата. Постель – тот же камыш, прикинут брезентовыми полотнищами. Одежда байковые. Наволочки набиты сухой травой.

Место Лизы в переднем углу, у стенки палатки. Рядом – подруга Машка.

Лиза научена детдомовским детством прикидываться и дурочкой, и кокеткой, и тихоней. А иной раз она способна пустить в ход прямоту, равную наглости.

Машка – существо домашнее, не пуганное, потому без мимики.

Председатель Пупков повадился приезжать – оглядывать косьбу. Он пытается оказывать Лизе внимание, чему мешает наивная Машка. А у него, похоже, не только душа накалилась; ниже плюнь – зашипит! И пало ему в башку – обезвредить Машку присутствием «районного!» любителя девочек.

И вот – оба-два, на склоне дня, прикатали на партийной «Волге»!

И вот уже деловито перебрасывают ноги через камышовые валки, руками разводят...

А Лиза Машку подначивает:

– Глянь, какого жулика партийного Пупок для тебя притаранил! Пузо-то, видала – арбуз арбузом!

– Видала, – до смешного искренне сообщает Машка. – У них в багажнике. Вот какой! – сцепливает она кольцом перед собою руки.

Лиза хохочет, спрашивает:

– Любишь арбузы? А хахаля?

– Видала я такого, – злится Машка, – в белых тапочках...

Лиза брезгливо морщится и добавляет:

– И в вонючих носках...

А кругом солончаковая Кулунда!

Пресная вода привозная – только для варева и питья. Лицо обмыть – и то задача. Желательно добыть хотя бы озёрной, но берега – сплошная топь.

А солёная пыль въедливая – ножом скреби...

Но Пупков с привычной тупизною шутит:

– Ни хрена! Просолитесь, не протухните...

Он вообще... по таким мелочам голову себе не морочит. Другое дело – пригласить кого на пикничок, тут у него – кровь приливает, и не только к мозгам...

Но даже он теряется, когда подружки идут навстречу с такой готовностью, словно еле дождались приглашения.

И вот в сторонке, за «Волгою» – всё как положено. На коврике и вино с коньячком, и «мировая закусь» в баночках, сосисочки верёвочкой, колбаска батончиком, балычок осетровый! Конфетки-бараночки...

Среди этого изобилия и на самом деле красуется арбуз! Лиза обожает чудо это полосатое. Потому устраивается с ним рядышком...

Районный «жулик» готов к действию: вскинутая им в стакане жидкость плещется через край.

– За любовь! – как соплёй о землю хлещет он.

Только эффект шлепка портит Машкино недоумение:

– За чью?

– За нашу! – не теряет лихости жулик и махом заглатывает «стан»!

Пупков подхватывает призыв радостным – поехали, и звонким чоканьем даёт отправление.

Машка никогда не пила. Потому следует его примеру: закидывает голову... Но захлёбывается, верещит, кашляет... Пупков рвётся в спасатели. Тем временем Лиза выплескивает хмель.

Наконец, Машка затихает. Но тот глоток, что она успела пропустить, оповещает сидящих тоненьким голосом, что:

... А на кладбище всё спокойненько

Ни друзей, ни подруг не видать...

Районный жулик, опершись локтем о плечо Пупкова, умело подхватывает:

Всё уютненько, всё пристойненько –

Настоящая благодать...

Но на «благодате» он обрывает песню и задаёт совсем пьяный вопрос:

– А вы, девки, знаете, сколько у меня денег?!

– Ну, и сколько? – спрашивает Лиза.

– А всех проституток могу купить!

У Машки возобновляется кашель, сквозь который она пищит:

– Вы чего себе...

– Позволяет, позволяет, – как бы успокаивает её Лиза и желает узнать у «любителя проституток». – Сколько дашь?

Машка смотрит на подругу со страхом. Но тут улавливает хитрость в её мимолётном взгляде, которая указывает ей на арбуз.

Тем временем Пупков пытается успокоить «купца». Но тот стоит на своём:

– Могу!

Тут Машка вскакивает, гребёт охапкой арбуз. Лиза подхватывает сосиски...

Хохоча, они скоро исчезают в брезентовой палатке...

Ребята, уплетая арбуз, судят о том, что пьяный Пупков дурак дураком. На всякий случай, место Лизы хорошо бы занять Валерке Петрову. Он из всех самый здоровый!

И ребята не ошибаются.

Ждать приходится недолго.

Пупков не подваливает к жертве, как ожидалось, из-под края брезентового полотнища, а, нажравшись до животной течки, ломится прямо по ногам улёгшихся на ночь ребят. Но в палатке полная тишина!

Наконец заветный угол им достигнут! Слышны возня, бормотанье, чмоканье... И вдруг! Громовые маты!

От раскатов хохота пузырится палатка! Её край срывается Валеркою с копылов и тяжёлой ладонью брезента хлещет по заднице выброшенного под звёзды колхозного Казанову.

Валерка, между взрывами гогота, сообщает:

– Пока он меня целовал ... да титьки искал... я отбивался... А когда... туда полез – милости прошу!..

С каждым его словом палатка вновь и вновь надрывается смехом...

Лизу эта память веселит каждый раз. И теперь, сидя в электричке, она улыбается ей. А молодому полковнику, едущему двумя купе впереди, должно быть, кажется, что девичья улыбка принадлежит ему.

Где-то на втором плане сознания Лиза, наконец, различает полковника. Она встряхивает головой – чтобы тот проявился отчётливей в её внимании.

Но убогость её наряда тут же подсказывает ей, что интерес полковничий вроде как брезглив. Она пересаживается к нему затылком. Но при выходе из вагона полковник, уже стоя на платформе, подаёт ей руку. Лиза, дурёха, наконец соображает, что этот жест принадлежит ей! Она теряется...

Две крашенные куклы, проходя мимо, оглядываются. Решают, что такая обдергайка дочерью полковнику приходится никак не может, слышно, хихикают.

Это возвращает Лизу в себя. Ею понимается, что полковнику захотелось позабавиться...

«Хорошо! – соглашается она в себе. – Давай, поиграем».

Тут же назначено свидание и время оговорено...

Лиза обычно выходит из проходной завода в семнадцать двадцать. Но в этот день – если не дождётся, то и хрен с ним!

Но в восемнадцать часов она всё-таки видит на дороге чёрный ЗИМ с полковником внутри. При всех регалиях!

«Прекрасно глядится, паразит! – думает Лиза, в мозгах которой хихикает чья-то судная строфа:

Уж сколько раз твердили миру
Об уважении к мундиру –
Он уважается, пока
Туда не втиснут дурака».

И впрямь: для чего такой парад? А для того: пришёл, увидел... ну, и всё прочее!

Так думает «потенциальная жертва», пока направляется утонуть в ослепительных лучах зыбкого обаяния.

И вот перед нею ловушкой – настезь распахнутая дверца!

В сосновый бор дорога ведёт машину явно не первой – уж больно скоро находится место посадки...

ЗИМ с ходу разворачивается – к дороге носом...

Мигом разверзаются закрома багажника...

А чего резину тянуть?!

Полковника не трудно понять: некогда ему упражняться с этой самой «резиной»: понтонный мост через Обь на ночь разводится. А с утра, на той стороне города – служба советской Родине!

Полковник потому и шустрит. На коврике всё есть, даже больше чем недавно у колхозного председателя... И арбуз тут! Сказка!

Ну, Лизавета! Выходи из машины – любовь зовёт!

Полковник – и так и сяк... И с правого борта шуршит лампасами, и с левого сверкает регалиями! Нет доверия к отличиям, хоть ты лопни!

Какого хрена тогда соглашалась ехать!? – написано на его служивой физиономии...

Лиза-то знает – какого хрена... Всё рассчитала: и путь с той стороны города, и долгое ожидание у проходной, и не ближняя дорога в бор... И то, что естественная нужда званиям не подчиняется...

И повела эта нужда полковника за сосны.

А сосны не столь часты, чтобы устроиться поблизости...

И даже не пало в служивую башку полковника, что машина брошена нараспашку. Что ключ зажигания в гнезде!

Заставляет его глянуть из-за сосны шум мотора...

Твою мать! ЗИМ угоняют! С девкою...

Откуда ему знать, что «девка» научена водить машину. Не так, чтобы хорошо, но в догонялки поиграть можно...

Пытаясь на бегу застегнуть брюки, он сверкает среди зелени красными лампасами; и отстать нельзя, и догнать не можно... Орёт – стой, стрелять буду! – хотя руки его никак не могут справиться с штанами...

Так Лиза дотягивает машину до шоссе. Дальше – боится движения.

Она бросает ЗИМ, выскакивает на дорогу, голосует...

Задерживается первая же легковушка.

Устроившись на заднем сидении, Лиза желает сказать водителю «спасибо», да вдруг узнаёт Михаила. Тот, улыбаясь, спрашивает:

– Что? Опять побег? Ну, рецидивистка!

Лиза смеётся и ругает себя:

– Вот дура! Арбуз забыла...

КАМЕНЬ ПРОШЛОГО

Михаил ведёт машину, а улыбка у него такая хорошая! У кого попало таких не бывает...

– Я всю ночь тогда тебя проискал, – признаётся он.

– Я бы всё равно не вернулась... – отвечает Лиза.

– Это понятно... – отзывается Михаил так бесхитростно, что Лизавете становится не по себе: всего в двух словах звучит для

неё такое равнодушие, что она не знает, как ответить? Потому спрашивает тупо:

– А чо тогда искал?

– А то, что ты редкая дурёха.

Лиза не обижается:

– Я это и без тебя знаю...

На что Михаил восклицает:

– Бог мой! Откуда ты?! Из какого сундука вывалилась?

– А чо, нафталином воняю?

Смех принуждает Михаила свернуть на обочину.

Он хохочет настолько заразительно, что Лиза не выдерживает и тоже принимается хохотать.

Веселье, возможно, не было бы таким долгим, когда мимо не проплыл бы ЗИМ!

Его хозяин по-звериному заглядывает в нутро легковушки, где заново взрывается веселье, которому тут же вторит раскат грома.

По корпусу звонко цокают капли. Если бы не дождь, можно было бы подумать, что это в ЗИМе взорвался полковник...

Лиза понимает, что лишний смех глуповат. А ей хочется перед Михаилом казаться умнее, ну и милосердней, что ли. Она замолкает. Замолкает и Михаил. Подступает грусть, и она тихо читает:

Ты слышишь, как отчаянье кричит
Во мне весёлым языком цинизма,
Развязной мудростью излечивая стыд?
То совесть опороченная мстит
За тайные проделки эгоизма.

Оглохни ради чистоты своей!
Пусть этот крик в тебе не отзовется.
И наших встреч такой ничтожный век
Пусть памятью в тебе надолго остаётся
О том, что я – хороший человек...

Дорога пуста. Легковушка, покачиваясь, скользит своим путём. Михаил, не то помогая движению, не то соглашаясь со звуками стихов, кивает головою. После минуты молчания просит:

– Ещё почитай...

Лизу никогда не просили так, больше принуждали уговорами...

А сейчас она отзывается на просьбу в какой-то печальной эйфории. Не понимает, что жалуется:

Греха на душу не возьму –
Я преступлений не свершала.
Но почему, но почему
Я так безвыходно устала?

Я, как преступник без улик,
Ищу в признании покоя,
Но гложет исповеди крик
Перед холодной толпою.

И я подальше от людей
Несу слюнявую наружность...
И плачет в темноте аллея
Моя преступная ненужность!

Понимает, что совсем уж – съехала на скорбь. Не хватает ещё зарыдать! Потому – хихикает. Но хихиканье получается и того несчастнее...

– О, Господи! – произносит Михаил, затем спрашивает, как тот моряк – на танцевальной площадке:

– Кто это тебя так?..

Перед Лизою разом возникает красная рожа детдомовского воспитателя Цывика. Её дёргает – словно током! В сердце занозою впицается вопрос – что же тогда произошло, что с нею он сотворил?!

– Знаю, ты детдомовская, – словно издали слышит она Михаила. – Там, да?..

– Нет! – почти кричит Лиза, отрицая не столько Цывика, сколько Михаила! На неё накатывает убеждение, что, не осознав полностью былого, она не имеет права позволять ухаживать за собою кому бы то ни было. Тем более такому доброму умнице, как Михаил.

Ей становится душно. Боль переполняет грудь...

Встревоженный Михаил останавливает машину, что-то пытается уяснить. Но Лизе больно слышать его.

Она уже – на дороге.

Она уже несётся едущему навстречу грузовику, машет руками. Пожилой водитель понимает по-своему девичий призыв...

И вот, тяжело отдуваясь, грузовик, уже с Лизою в кабине, пыхтит мимо стоящего на обочине Михаила...

И СНОВА ГУБОШЛЁП

В литературном объединении из девчат только Лиза. Остальные члены – мужская молодёжь.

А тут появляется фифа с увесистой кипою стихов.

Когда Лиза входит в студию, молодлица уже сидит напротив Губошлёпа – нога на ногу. Кудри из-под шляпки, лаковые туфли на стройных ногах и удивительный аромат духов...

Лиза тоже не из дурнушек, но без кудрей, туфель и аромата.

Фифа игнорирует всех, кроме руководителя. Она явно представить себе не может, что есть люди, которые ей не завидуют, не восхищаются ею, не лебезят перед её величеством...

В это число входит и Губошлёп – рассыпается перед нею мелким бесом...

Спрашивает, предупредив:

– У нас в литературном объединении все на «ты». Так вот, хотелось бы, понимаешь, услышать – кто ты, кем трудишься, когда начала заниматься поэзией?

И получает личный ответ:

– Зовут меня, как Уланову – Галина! Галина Беза! – произносит она горделиво необычность своей фамилии. – Отец – генерал! Мама, естественно, – генеральша!

– А ты сама-то кто? – звучит внезапно «из толпы» резкий вопрос.

– Сама? – переспрашивает она только Губошлёпа и докладывает ему. – Сама я, естественно, – дочь генерала! Когда писать начала? Не так чтобы давно. Слушала как-то по радио – читали стишки. Мне и подумалось – а разве я так не смогу? Попробовала. Получается... Вот сколько уже сочинила! – накрывает она холёной ладонью предъявленную Губошлёпу бумажную стопу.

При этом «в толпе» возникает интерес – почитай! И фифа читает с первого же листа:

– Сонэт!

Горжусь тобой я, милый мой!

В столе моём живут тобой

Стихи, которых лучше нет!

Им ты помог увидеть свет!

Вчера ты нежно обо мне
Сказал соседке, что во сне
Лишь только мной одной живёшь...
Я поняла, что ты не лжёшь.

И я стремлюсь к тебе душой,
О, незабвенный, милый мой!
Как рвётся птица в поднебесье,
Во мне весенний бродит сок,
Ещё, ещё, ещё чуток...
И я спою безумья песню!

– Ни хрена! – восклицает чьё-то мнение.

– Обалдеть! – подхватывает другое...

Тут Галина оборачивается...

Она – не дура, поскольку в прекрасных её глазах сквозит настоящее. Однако, её внутреннему существу не привычно понимать формы отрицания. Взгляд меняется: из-под приподнятых бровей скользит по каждому высокий взор... Доходит очередь и до Лизы – дескать, ты, что ли, сказала? Лиза вдруг тянет себя за уши и высовывает язык...

– Ну! Ты! – вспыхивает красавица. Однако Губошлёп успевает произнести:

– Не обращай на неё внимания. Это у неё обычное... – поясняет он, затем начинает убеждать красавицу, что стихи у неё, понимаешь, нормальные. Но тенденция у нынешней поэзии – трудовая направленность, вызванная стремлением советского человека к коммунизму!..

– Для этого существует проза, – не соглашается Беза. – Она от выдумки. А поэзия – наитие! Это проявление божественной воли!

– Понимаешь ли, – продолжает убеждать её Губошлёп. – В наше безбожное, так сказать, время трудно опубликовать стихи подобной тематики.

– Так ты ж пока ещё и не пробовал!..

Красавица раздражена, потому кроет руководителя на «ты»!

– Хорошо! – не смеет он не уступить её натиску. – Я постараюсь предложить твои стихи редактору «Сибирских огней».

– Хорошо! – смягчается она и убеждённо спрашивает: – А когда можно будет получить гонорар?

– Тудыт твою мать! – не сдерживается Лиза. – Да у твоего отца денег – куры не клюют!

– Не клюют! – соглашается фифа. – Но мне пора иметь собственные! А то на туфли – проси, на духи... французские – проси...

– На маникюр, на кудри... – подсказывает кто-то из ребят.

Галина снимает шляпку, трясёт превосходной гривой волос и общается:

– Кудри у меня свои!

– Ну, ладно! – решает она, поворачиваясь к Губошлёпу. – Завтра ты относишь мои стихи в журнал – пусть почитают, а через недельку я сама с ними поговорю...

В дверь студии заглядывает плечистый парняга: причёска – коком, на галстук – мартышка... Спрашивает с нетерпением:

– Долго ты ещё тут?!

Галина поднимается, произносит – иду, и сообщает всем:

– Машина ждёт – извините...

В комнате остаётся неловкость и французский аромат.

Нарушая молчание, Лиза со вздохом тянет:

– Да-а! Ни-хре-на-а себе...

И медленно проговаривает:

Жаль! Рифмачи не понимают –

Стишки стихами не бывают!

Кто-то из ребят восклицает:

– О! Вспомнил! Этот парень – наркоман!

Перед окончанием занятия Губошлёп обращается к Лизе:

– Задержись на пару минут.

В опустевшей комнате он спрашивает её:

– Тебе, вижу, духи понравились?

– Ещё бы!

– Хочешь такие?

– А на что я жрать буду?..

– Так вот, – предлагает он. – Я беру тебя к себе на подработку. Техничкой. По совместительству. Там дела-то, вечером – на пару часов... И покупай себе... чего надо. Согласна?

– Ещё бы! – повторяет Лиза.

Следующим днём она стоит перед начальником отдела кадров соседнего завода. За столом – должностной Иван Архипыч – Губошлѐп. Он говорит вполголоса:

– Так, Лизавета! Я решил оформить тебя на полную ставку. Тебе же при этом ничего делать не надо...

– Это как?

– А так, – уточняет он. – Каждый месяц получаешь зарплату, половину оставляешь мне, половину себе. И – гуляй... И всё!

– Нет! Не всё! – возражает Лиза. – Ты, падла, уверен, что все детдомовские – подонки.

– Ради Бога! Потихе: люди за дверью...

Но Лизу уже не остановить. Она почти орёт:

– Ах, ты, сволочь! Да мне твои духи говном вонять будут...

Она торопится оставить кабинет, распахивает дверь и с порога договаривает:

– Воруга! Ещё Бога вспомнил!

От завода к дому пѐхом – версты четыре. Сегодня дорога и того длинней – она так и тянет вернуться и врезать Губошлѐпу по морде. Но Лиза только повторяет – вот гад!

Смеркается. Издали она видит, что у дома её поджидает – Михаил!

Лиза рада бы пройти мимо. Но перед нею расцветает букет ромашек.

Какой мучительный аромат! Куда французским духам...

На плечах его тёплые руки, по коже – мороз. За спиною – ласковый шѐпот:

– Девочка моя!

А ей хочется в кровь разгвоздить прошлое, которое Лиза никогда не посмеет ему объяснить, с которым невозможно смириться...

А значит нельзя согласиться с присутствием в её жизни Михаила.

– Не-ет! Не-е-ет! – крутит Лиза утонувшей в цветах головою, отрицая разом и прошлое, и настоящее. – Нет!

Михаил пытается развернуть её лицом к себе, но она рвѐтся прочь и исчезает в подъезде...

НОВЫЕ САНИ

Ночь. Лизе обычно хватает пяти часов выспаться. Она сидит на третьем этаже кирпичного дома, у окна своей коммунальной десятиметровки.

История получения этой комнаты более чем странная.

Такой же ночью не спала она в бывшей ванночке. По радио звучало – Климу Ворошилову письмо я написал... И приди ей в голову шальная мысль – а почему бы и мне не написать? Как родному отцу... И тут же письмо наполнилось и расстрелом отца, и детдомами, и ванной комнатой, и даже поэзией... По дороге на работу письмо оказалось в почтовом ящике...

Дерзость ею быстро забылась.

Но вдруг! У проходной завода её поджидает милая старушка – секретарь директора завода, ценившая Лизу за стихи. Сообщает, что из Москвы получено письмо, в котором она упоминается, что директор завода неделю как держит его «под сукном», что в обед никого в приёмной не будет и Лиза без помех сможет оказаться у директора...

И она оказалась!

За продолжным столом сидят несколько человек какой-то комиссии! Не глядя на отчаянные жесты хозяина кабинета, она заявляет: – Пока не отдадите письмо, не уйду!

Пришлось отдавать...

Письмо приказывало директору завода обеспечить жилплощадь Е.Л. Быстрикову – согласно норме, установленной законом!

И теперь у Лизы есть и кровать, и диван, и стол, и даже стулья, и даже швейная машинка – подольская! Купленная по случаю.

Счастливой Лизе хорошо пишется!

Но если сейчас побывать в её голове, вряд ли кому повезёт что-либо там понять...

Вообще-то в ней должны быть строфы, но там – проза! Там – бабушкина пластанка, таких же почти размеров, что и нынешнее Лизино жильё. В той избе около десятка человек – спят на сундуках, на полу, на полатах... В подполье, под самые половицы, вода – недалеко от хибары знаменитое Татарское болото. А надо всей этой нищетой витают – война, голод, чухотка, вшивость... У Лизиной бабушки, у Баранихи, имеется всё-таки какое-никакое подспорье – огород, соток десять!

Но в сорок третьем году обок этого надела решают строиться эвакуированные. Дом задуман огромный, добротный! Явно, не с пустыми руками удралось будущим хозяевам в тыл...

Вот уж действительно: кому война, а кому – мать родна...

Да чёрт бы с ними, но они отрезают бабушкиных пол-огорода...

Лиза в семье самая маленькая, считается бестолковой. Бабушка при ней мало задумывается – дать или не дать своему отчаянно полную волю...

Тем она частенько гасит во внучке радость детства.

Ещё и старшая сестрица не спешит принимать её в свои затеи.

В бабушкиной ограде, под уютом приставленных к сараюшке досок, сестра с подружками устраивает «дома». Там идёт «стряпня» пирогов из грязи; посещение «соседей»: подражая взрослым, ведутся сплетни-беседы...

А Лиза берёт обычно старую корзину, идёт к ним «побираться».

Это её постоянная игра, сопровождаемая пением, похожим на молитвы. Их Лиза перенимает от солдат-инвалидов, которые сидят по краям высоких тротуаров заросшей болотной травой станции Татарская:

... А на это жена написала,
Что не нужен калека ты мне.
Мне всего только двадцать три года
И я в силах ещё танцевать.
Ты приедешь ко мне как колода –
Только будешь в постели лежать...

Или песнею, которую обожает петь дедушка Никита. Песню эту Лиза тянет на свой лад – у дедушки герои «ишли» с финского боя, а у неё:

И шли два героя с фашискава боя,
С фашискава боя домой.
И только ступили на нашу границу,
Как фриц меня ранил чижало...

За недолгое время, потеряв зятя и дочь, да Сергея – сына, отпущенного из армии домой – умирать, бабушка только не каждый день, захлёбываясь слезами, спрашивает Небо – в чём перед Ним провинилась?

А Небо отвечает ей тем, что следом за этими смертями уходит сын Валентин, потом дед Никита... Остаются горе мыкать – сама бабушка, пятнадцати лет сын её Георгий, дочь Галинка, девяти годов, и две внучки – восьми и шести лет.

Нищета несусветная...

А тут ещё отнимают огород!

Как жить?!

Бабушкины страдания запекаются в маленьком сердце Лизы, да так на всю жизнь и прилипают к сердцу коростой. Нет-нет, да память и подковырнёт эту болячку...

Вот и сегодня – закровавило... В душе Лизы она зазвучала стенанием...

То-о не ве-етер ве-етку кло-онет,
Не-е дубра-авушка-а-а шуми-и-и-ит,
То-о моё-о, моё сердечко сто-онет,
Ка-ак осе-енний ли-и-ист дрожит...

Лиза и теперь не может осознать, как возникают в ней раздирающие душу звуки: из детства ли наплывают, из космоса ли насылаются? Спит ли она сейчас, грезит ли наяву?.. Прижата ли к земле тяжестью воспоминаний или витает за окном – в бесконечной тьме звёзд?..

И тут ей видится, как одна крупинка света вырывается из глубины небес! Разгорается! Мчится, рассыпая на стороны лучи! Стремительно близится. Врывается в окно и с такой силой ударяет Лизу в лоб, что она валится спиной на близкую кровать...

Сквозь живой бред ею осознаётся, что удар проник в кровь, жаром растворился там... И теперь тело затягивает в тяжёлый сон!

Неведомая сила знала, что делает: удар приходится под выходной день...

До самого рассвета держит она Лизу под своей бредовой лавиной...

Наконец позволяет опомниться, но уже не для поэзии...

Единым махом, считай к вечеру, у неё уже готово первое диво – сказ про Бараниху. Сказ этот – виртуальная месть за былую бабушкину обобранность. Нечто странное между прозой и совершенной поэзией... И острое от новизны, и крылатое – до удивления...

И запрягается Лизавета в эту новизну сразу и основательно! Ею овладевает забота: писать бывальщины без вранья, лишённые пу-
стословья и заигрыванья с читателем!

Так пошли годы абсолютно иной жизни!

И вот литературный семинар в отделении Союза писателей.

Молодых семинаристов-прозаиков пять человек. Сидят вдоль стенок. Волнуются. Знают, что рукописи читаются обезличено. Только после прочтения и заверенного вывода судьи узнают имена авторов.

Руководитель семинара держит в руках чью-то рукопись, перешепываясь с рядом сидящим коллегой, чего-то ждёт.

Лиза вспоминает, как Губошлёп, по поводу сказов, как-то заявил ей:

– Выброси! Не трать напрасно время. Сейчас, понимаешь, так никто не пишет.

Ребята согласились с ним, но кто-то поосторожничал:

– Зачем выбрасывать. Лет через сто пригодятся...

Послушалась – не выбросила, даже продолжала работать над сказами, но лет пять никому не показывала.

А тут всё-таки посмела отдать свои труды на авторитетный суд.

И вот ли тянутся минуты ожидания...

Помощник руководителя семинара не выдерживает, говорит:

– Начинай, Илья, что ли! Сколько её ждать-то ещё можно?!

– Хочется всё-таки уважить пожилого человека, мало ли что может её задержать...

– Забыл, как её звать-то – эту старуху?

– Быстрикова, Елизавета.

Перехваченным от волнения голосом Лиза признаётся:

– Я тоже... Быстрикова Елизавета.

– О, Господи! – восклицает руководитель. – Красавица! А я жду бабуню в платочке.

Некоторое время он откровенно любителю Лизою, потом берёт лист рукописи и начинает читать:

«Как руки ладонями сложить, так тесно со двором Пройды стояло подворье Бронники Сизаря. Жена у Сизаря и тихая, и хозяйственная, и рукодельная. А вот над самим Бронькой вся деревня смеялась: – Ты, Сизарь, поди-ка, все запятки бабке Пройде пообступал?»

Шумота ты бестолковая, шумота и есть! Ты пошто это со всякого восходу на людей кидаешься? Мало тебя мужики-то буздыкают?».

Илья Лавров не только признанный писатель, Илья – артист! Голос поставлен. Интонация безупречная...

Лиза не сразу понимает, что читается её работа. В себе она успевает удивиться – надо же, как здорово написано!

Руководитель же прерывает чтение, оглядывает семинаристов и говорит:

– Вот так надо писать!

ФРАНЦУЗСКИЕ ДУХИ

– Рукопись твоя передана редактору «Сибирских огней», – сообщает Лизе председатель правления писательской организации. – Не торопи его, – советует. – Пусть как следует посмотрит...

– Надо бы, – говорит ей уже редактор журнала после двухлетнего (!) «просмотра» рукописи. – Надо бы посоветоваться со специалистами по фольклору – из пединститута. А то сам я не могу похвалиться тонким знанием местных наречий...

– Надо, так надо, – пожимая плечами, соглашается Лиза.

В коллективе писателей Лиза, как говорится, стоит пока «у стенок». Потому смеет всего лишь соглашаться.

Тут – не литобъединение, где общаются по-свойски.

– Ну! Как твои сказы? – каждое занятие спрашивает Губошлёп, мстя ей за выходку в его конторе. – Похвалили да свалили? А то... Куда там... Родила свинья бобра... Я те, понимаешь, говорил: не будут такое публиковать. Стихи – ещё куда ни шло...

Лиза вдруг, от волнения забыв начало стиха, читает злобно:

... Поэты головой рожают,
Ночами у виска держа
Огрызок карандаша.
Они,
Поэты эти, знают,
Что значит головой рожать.
Они ещё другое знают,
Что где-то там! Там!

Будет вам!
Жрецы морали холостящей,
Поэзии живородящей,
Грозят обрядом обрезанья!
И это дело называют
Там!
Посвящением в познание...

Лиза ладонями закрывает лицо. Её трясёт. А кто-то тихо просит:

- Может, чего-нибудь ещё прочтёшь...
- Могу, – отзывается она так же тихо и начинает:

Бьют вора!

– Лежит!
А где-то у реки вальком бельё колотит мать...
С оттяжкой хлещут сапоги –
Им наплевать на жизнь, на мать,
На честный люд...
Они бьют!
Бьют основательно,
Вразмах...
Со слизью белой на губах
И с малосольной кожей.

В дремучих, топких бородах...
Топор бы им!..
Пускает дым кольцо мясник и косит глаз –
Не попадайся!
Торговка, к бочке наклонять, жуёт грибки –
Не попадайся!
Баба слёзы льёт в платок:
– Где ты? Жив ли? Мой сынок!..
...Косит кровью синий глаз, –
«Люди! Только б не сейчас,
Не сейчас познать бы мне глубину конца...
Тот – в косматой бороде –
Больно схож с лица
На отца»!

– Ну, это, понимаешь, какое-то беспризорье... – оценивает Губошлёп прочитанное. – Не типичное для социализма явление...

– Не типичное?! – возмущается Лиза. – Да я своими глазами видела, как его били. Мальчишка совсем...

– Ты же сама говоришь – не попадайся! – кто-то, за спиною Лизы, поддакивает руководителю.

– Жрать захочешь – слямзишь. По себе знаю...

– Воровала, что ли?!

– И воровала, и колотили...

Тот же голос ехидничает:

– И материлась?!

– А што? Послушать хочешь? – с вызовом спрашивает Лиза, не оборачиваясь: – Могу!

Но Губошлёп торопится остановить её:

– Этого ещё не хватало! От тебя всего можно ожидать...

На что Лиза отрезает сквозь зубы:

– Подумать, так вы все тут – паиньки...

– Да успокойся ты! – останавливает её кто-то. – Лучше прочти ещё чего-нибудь.

Лизу уговаривать не нужно. Читает, тут же забывая размовку:

То ли с неба луны беглые
Катят круглые бока?
То ли черти скачут белые,
Оседлавши облака?
То ль на пенсию по старости
Провожают сатану?
То ль мужик дерёт за стайкою
Подгулявшую жену?
Ох, и ночка нынче выдалась:
Польхая и звеня,
Из зимы на землю вырвалась
Прорва белого огня...
Ой ты ветреная выпогодь,
Мне ли выпала на зло –
Не пройти к нему,
Не выпрыгнуть –
Избу снегом замело.

Догорает время свечкою;
Слёзы попусту теперь...
Темнота кленовой веткою
Заколачивает дверь.

Ни шороха в студии! Молчание!
Лиза не может понять – что это, успех, провал?
– Ещё почитай, – слышен непонятно чей шёпот. Она продолжает
с безысходностью:

Под окошком избы убелённой,
По стране одиноких снегов,
Вновь пластинку тоски зелёной
Раскрутил граммофон ветров.

Только видно хозяйке убогой,
Приложившей ладонь к лицу,
Как, вихляясь, пустая дорога
Виновато ползёт к крыльцу.

И старуха, ломая спину,
Долго крестится в белую жуть...
То ли просит вернуть ей сына,
То ль в последний готовится путь.

– Ух, ты! – восклицает кто-то.
А у Лизы, после заново пережитых строк, душа просит одиночества.

Она стремительно покидает студию.
Блуждающей по улицам, ею не ощущается дорога. Ей хорошо!
Никто не хвалит и не судит... Нет губошлёпова слоблудия...

В одиночестве она общается с Творцом, имя которому Слово!
Оно сводит воедино образа и образы, мечты и грёзы... Открывает
заново ей одной подаренную жизнь. Всё иное – плывёт стороной;
не смешивается с её сущностью... А время замирает на страже её
удинения...

Но вдруг оно срывается, чтобы догнать самого себя, и предъявляет ей среди улицы Губошлёпа.

Со своим тошнотным причмокиванием он желает поговорить с нею...

– Поньмаешь, какие у тебя были бы перспективы, если бы ты описала в стихах завод, знаменитый на всю страну «Сибсельмаш»! Это же – сорок тысяч рабочих! Это же сеялки! сенокосилки!..

– Жатки! – дополняет Лиза. – А ещё болванки для снарядов, а ещё станки времён царя Гороха, а ещё конвейерная покраска – без вытяжки...

– А ещё, – наперекор ей продолжает перечислять Губошлёт, – публикация в газетах, журналах... А ещё – бесплатные дома отдыха... А там – Союз писателей, где – командировки в любой конец Союза...

– За счёт фейерверка?! – нарочито удивляется Лиза.

Но Губошлёт её не слышит. Он излагает задуманное:

– Бесплатные путёвки, Дома творчества, выступления, встречи...

– И всё это – за фейерверк? – стоит на своём Лиза.

– За какой ещё фейерверк? – наконец доходит до Губошлёта её вопрос.

Она поясняет, словно разговаривает с дураком:

– Одноразовый! Который вы называете стихами.

Наконец Губошлёт расстраивается:

– Рано возносишься, голубушка...

– Это – факт, а не возношение! Вы – руководитель, мы – ученики; мы – в публикации, вы – в фавор! Как же – взрастил поэтов! А что такие поэты гроша ломаного не стоят, увы! мало кто понимает... Да таких поэтов, те же самые болтуны-хвалители, за обедом с кашей слопают и в туалет спроводят... А у человека, глядишь, впустую жизнь прошла: заброшена похвальными грамотами в старый чемодан! Или не так?!

– А как же Маршак, а Михалков? А Маяковский?..

– Ну, во-первых: Маршак и Михалков взращены не вашим серпом и молотом... А если говорить о Маяковском, то не такие, как я, довели его до смерти. А скорее – похожая на вашу, поньмаешь, тенденция... твою мать!

– Ты чего себе поз-воляешь?! – заикается Губошлёт.

Ответно Лиза почти орёт:

– А ты чего ко мне привязался со своими путёвками!? Кто ты такой?! Я тебя не знаю и знать не хочу. Счас позову милицию...

– О! – раздаётся рядом вальяжное восклицание. – Иван Архипыч! Здравсте! Я иду к вам, да, видать, не вовремя...

Для Лизы сейчас только французского аромата не хватало...

Уходя прочь, она успевает услышать за спиной:

– Это наша бунтарка! Случаются всякие... А у тебя как дела?

– Подборка в «Сибирских огнях» пойдёт в ноябре, – слышит Лиза нарочито громкую похвальбу Галины...

Вспугнутое божество слова не возвращается к Лизе. Оттого под ногами грубеет асфальт, мимо проползают облезлые дома, шмыгают сторонние люди...

Только что была волшебная жизнь – без Губошлёпа, без «французской» Галины... И снова – обдергайка, именуемая платьем, брезентовые тапочки... В руке – тетрадка в клеточку...

И это всё Лиза – в свои 25 лет!

И снова у подъезда ждёт Михаил!

Протягивает ей цветы и ленточкой увязанный пакетик. Лиза, почти машинально, распускает шёлковую увязку...

Да будь они прокляты – французские духи!

Лиза нервно сует флакон в карман дарителя, спешит к двери подъезда и, развернувшись на пороге, громко отказывается:

– Не приходи больше! Ты! Ты... А я... – и вдруг добавляет сквозь зубы. – Меня... В детдоме... Воспитатель... Уже полюбил... Не приходи!

КОНЦЕРТ

В Доме культуры завода будет концерт в ознаменование очередной годовщины Советской власти.

Лизе вспоминается...

Как-то, в одном из детдомов, появляется гармонист.

А лето!

Дом – бывший барский. Огромные окна отворены. За окнами – березняк! Дальше – тайга! И синее, синее небо!..

Лизе тогда, за успешное окончание шестого класса, подарена козынка! Ни у кого нет, а у неё – беленькая, в цветочек!

По случаю конца учебного года предстоит праздничный обед с самостоятельностью!

Гармонист готовит концерт. Старается. Но морщится, хотя понимает: с ребятами никто никогда не занимался. Ещё и стесняются...

Тогда он в комнату занятий приглашает ребят по одному. Опять не доволен: певуны никудышные...

А у Лизы в голове проявляется нечто новое, его нужно запомнить! Она больше ни о чём не может думать, потому досадует – на фига ей это пение! Но заставляют... А в ней без конца повторяется:

Тайга вековая!
Сосна к сосне
Вершины свои в облака вонзили...
Не здесь ли пульсирует в полусне
Лохматое сердце чалдонской Сибири?

Не здесь ли былины безмолвные спят?
Не здесь ли забытые тайны уснули?
А сосны над ними стоят и стоят
В бессменном почётном своём карауле...

Карауле, карауле...
В бессменном... почётном...
Ни звука!
Но! Чу!

Кажется, получилось:

Дальний куст задрожал –
Трусливую птаху встревожил собою...
Не древний ли там человек пробежал
И затаился за старой сосною?!

Получилось!

Душа её ликует! Ей мало в груди места! Она рада сейчас полыхнуть даже песнею, как полётом... Откуда только голос берётся? Гармонист ошарашен...

В окна заглядывают ребята... А в словах Лизиной песни, заученной от бабушки, пылает пожар, в котором высвечивается обезволенный завоеватель мира:

Шумел, горел пожар Моско-овский,
Дым расстился по реке,
А на стенах вдали кремлё-овских
Стоял он в сером сюртуке.

И, призадумавшись, вели-икий,
Скрестивши руки на груди,
Он видел огненное мо-оре,
Он видел гибель впереди...

Гармонист сливается с гармошкой, наперекор состоянию Наполеона, блаженствует, закатывая глаза и шевеля губами...

Не помня двух строк, Лиза не смущается, озвучивает их только голосом и дальше поёт:

...И тихим голосом созна-анья
Он сам себе проговорил:

– Зачем я шёл к тебе, Росси-ия,
Европу всю держа в руках?
Теперь, с поникшей голово-ою
Стою на крепостных стенах...

Дверные створки поскрипывают. За порогом шепотки:

– Во! Даёт Быстричиха!

– Теперь её... вообще – пальцем не тронь...

Но песня не заботится о защите исполнительницы, она повествует о том, что думал Наполеон Бонапарт 135 лет назад. А он думал:

...Войска все, созданные мно-ою,
Погибнут здесь среди снегов,
В полях истлеют наши ко-ости
Без погребенья и гробов.
Судьба играет челове-еком,
Она изменчива всегда:
То вознесёт его высо-око,
То бросит в бездну без стыда...

Гармонь ещё звучит, а Лиза уже пугается – стих-то свой недоучила!

– Куда ты? – шумит ей вослед гармонист. – Вернись! Ты же – талант!

Но «талант» уже в коридоре. «Талант» шепчет своё:

... Не здесь ли пульсирует в полусне
Лохматое сердце чалдонской Сибири?..

Тогда гармонист куда-то исчез. Говорили – запил. Концерт не состоялся. Но Лиза о нём не печалилась. А теперь она зачем-то вспоминает, что может петь. Душа рвётся овладеть непонятной силою... Она не осознаёт того, что поэту необходим слушатель. Она хочет знать, услышат ли её голос люди?

Губошлёп частенько организует ребятам выступления, но Лизу не приглашает.

– Развела, понимаешь, лирику, – говорит он. – Не хочешь писать по-человечески, как хочешь...

– По-человечески это – по-вашему? – вроде как наивничает Лиза.

Губошлёп понимает её умышление, но отозваться надо: всё-таки – наставник! Потому отзывается:

– По-рабочему! А это значит – по-советски!

– Это вы по-советски хотели техничку из меня сделать?

Разговор идёт при всём объединении. Губошлёп теряет до кашля. И, уже сорванным голосом, оповещает:

– Ладно, ребята... Что-то я занемог. Ступайте домой. До пятницы...

Лиза домой не торопится. Она, одинокая, бредёт парком, подшвыривая ногами оборванную сентябрём листву. Думает – стоит ли быть задиристой? В то же время образует рифмы. Она словно разом движется по земле и витает в потоках неведомой силы, где улавливает слова, посылаемые наитием. А строки стремятся к Михаилу, потому сомневаются и лукавят:

Не надо о любви, не надо.
Мне не дано себя понять.
Я и тогда, когда ты рядом,
Чего-то продолжаю ждать.

Мне хорошо, как летом в поле
Брести неведомой тропой,

Не чувствуя щемящей боли
Моей вины перед тобой.

Здесь всё и ясно, и понятно.
Легко и плакать, и любить...
О, как не хочется обратно
Из этой сказки уходить.

Туда, где надобно досаду
Словами фальши прикрывать...
Не надо о любви. Не надо!
Мне не дано тебя понять.

Издалека Лиза видит у своего подъезда человека.
«Опять ждёт! – надеется она и противоречит себе. – Думает, что
я цену себе набиваю».

Она придерживается за клёном – ждёт: уйдёт ли...

А новые строки, словно зимой голодные воробьи, спешат слетаться на её мозги, как на жменьку брошенных семечек:

Ничего объяснять не желаю,
Ничего повторять не хочу...
Всё отрину!
Я твёрдо знаю –
Мне любая беда по плечу...

Словно стреляет она в Михаила стихами и уже не прячется, а
идёт в наступление – прогнать!

Но! Перед нею Губошлёп!

– Ты чего тут забыл? – хамит Лиза.

– Поньмаешь, – произносит тот ненавистное для неё слово. – Ты
это... Не ершишь... Совсем-то уж... Ну, свалю я дурака... Прости...
Не век же помнить?.. Скажи вот лучше: когда у тебя отпуск?

– В декабре! – настораживается Лиза.

– Ты бы не хотела поехать в дом отдыха? Бесплатно.

– С тобой, что ли?

– Хочешь – одна, хочешь – со мной...

Лиза хлещет себя ладонями по бёдрам и восклицает:

– О, Господи!

И матерится по-детдомовски – разье...т, твою гармошку!

– Ну, всё! – вдруг успокаивается она и обещает. – Будешь ты меня помнить!..

Да! Упомянутый концерт!

В заводском клубе, перед праздником Октября, он всё-таки состоялся.

Лиза не учла того, что ей необходимы совсем другие слушатели.

За кулисами, в гримёрной, под сопровождение умелого баяниста, она прекрасно исполняет романс «В запылённой пачке старых писем...».

А со сцены?

Со сцены она видит, как зал потешается над её исполнением.

Ею особо выделяется среди публики Губошлёп с кривою усмешкою и Сашка, из заводского отдела комплектации, который от хохота задирает колени...

Но Лиза не кидается за кулисы. Лиза спокойно допевает романс.

Всеми на заводе смакуется её позор. А ей плевать... Она далека от суеты; она – в своём мире – одна там, где никакая суета её не касается!

У неё – свой Бог! Свои понятия о человеческой сущности. И всё-таки...

По дороге домой её преследует кривая улыбка Губошлёпа.

Я шут!
Смотрю на короля,
Тая сюжетную измену...
Но шутовская роль меня
Ещё не вывела на сцену...

УЖ ЗАМУЖ...

И зима проходит, и весна...

Лето!

Михаил больше не появляется.

Узнать бы! Но с красавицей Зоей, после ночного побега Лизы, отношений – никаких!

Как-то встречается Николай. Улыбается.

Лиза кивает – здравствуй! Как дела?

– Живём, слава Богу! – отвечает.

– А Миша как?

Молчание. Потом вопрос:

– Ты разве не знаешь?!

– А что я должна знать?

– Так он же утонул!

– Как! Утонул?

– На рыбалку поехал, на мотоцикле. С откоса хотел к берегу подрулить – тормоза отказали. А там – обрыв! Успел бы вынырнуть; ногу мотоциклом придавило. И всё!

И всё! Пустота!

Но этой пустотой грудь заложило – не продохнуть. Странно! Пустота! А не продохнуть...

Настолько всё странно, что можно одной сходить на танцы...

Молодость, она, конечно, берёт, но не всегда своё...

Теперь Лизе всё равно: кто там, за танцевальной площадкой, валтузится из-за неё. Она танцует с красавцем писанным – Гошей Защёкиным.

Гоша дурак, каких свет не видывал. Ноги у него, правда, умные. Отлично двигаются. Если смотреть со стороны: то вместе, Гоша с Лизой, – пара хоть куда!

А у стеночки у решётчатой стоит Володя Войцеховский! Бледненький стоит, удивлённый! Смотрит во все глаза, но Лизе его ни сколько не жалко... Он явно пытается убедить себя, что видит ту самую – РэУшную Петрушку.

Гоша старательно кружит Лизу, уводит на другую сторону площадки. Когда же вытанцовывает обратно – Володи нет! Тоже, видимо, канул... в воду времени...

А в сердце Лизы – ледяной период: и танцевать может с кем угодно, и, опять же, одна пойти на пляж. Она – женщина! Она даже заледенелой душой понимает, что не следует таить роскошь своей красоты от созерцателей... Теперь она просто – картинка.

Один из созерцателей тут же отмечает её появление у реки:

– О! – громко восклицает он. – Русская Софи Лорен!

Пока Лиза купается, на расстеленном ею по песку банном полотенце устраивается ухажорик с бледненькой бородёнкой – дохленький, как Войцех.

При хозяйкином приближении он любезно отодвигается на край постилки и услужливо пытается шутить:

– Садитесь, пожалуйста... на моё место.

Жалко его – не знает Лизы.

Она с такою силой выдёргивает из-под «любезника» полотенце, что он валится головою на грудь дремлющего рядом атланта-блондина.

Тот машинально отпихивается, смотрит на вскочившего неудачника и делает вывод:

– О! Кастрат сушёный!

И приказывает:

– А ну, отвали от неё, солитёр вяленый, а то...

Лизе не удаётся дослушать до конца красноречивую посулу атлета. Слышится крик:

– Человек тонет!

Красавец-блондин срывается с места и одним махом оказывается на плаву...

Лиза видит, как долго ныряет он, чтобы рядом с его светлой головой появилась над водой ещё и чернокудрая.

Двое парней помогают блондину вытащить тело на берег. Голова несчастного запрокинута – лица не видно.

Но ведь это же!..

Лиза рвётся к утопшему, кричит:

– Ми-ша!

Понимает: ошиблась; бежит прочь – от страшного места...

Красавец-блондин догоняет её. Шагает рядом. Несёт ею забытые вещи. Спрашивает:

– Утонул?

Лиза кивает.

И этот – тоже блондин, тоже Владимир. Но в нынешнем в одном – двое таких, как Войцеховский...

– Я – солист военного ансамм-бля! – с печальным юмором представляется он и добавляет: – Ещё немного боксёр...

Лиза не любит хвастливых, но сейчас ей не до сторонних эмоций...

И чёт этих женщин поймёт: всего лишь месяца хватает ей – очухаться от пляжного видения. И вот уже своим признанием о насилии детдомовского воспитателя Цывика она унижается перед атле-

том, надеясь на понимание. Мало того: успевает кинуться на его певческо-боксёрскую грудь!

А никуда, видно, не денешься: телу – двадцать шесть лет! Оно требует своего! К тому же Лиза умудрилась убедить себя, что она, после Цывика, не имеет права на достойную любовь. Хотя женское чутьё подсказывает ей, что в теле атлета затаился бахвал, а может и того хуже! Надёжный мужчина, после такого её признания, не стал бы настаивать на скорой близости. А из-под этого Лиза не сумела увернуться.

Но беда оказалась не в принуждении; Лиза с ужасом осознаёт: она только что по-настоящему утратила девственность!

Отвращение к Владимиру накатывает на неё лавиной – душит, давит, морозит...

– Чего заledenела-то, как сосулька? – удивляется он. – Чего испугалась? Не бойся! Поженимся... Лучше иди, помойся. А то заляпаешь тут... кровью.

Даже в ванной комнате Лизе не плачется – не даёт брезгливость к самой себе...

– Ну, чего ты... долго так? – слышен ночной шёпот за дверью ванной комнаты!

Лиза ответить не в состоянии; Владимир не настаивает.

Когда она высвобождается из добровольного заточения, он уже спит!

Утром Лиза молчком уходит на работу.

Вечером он – добрый, ласковый! Оказывается, она для него – звёздочка ясная! Оказывается – он всё понимает, всё прощает...

Ну, спасибочки! Да вот только виноватой Лиза себя не чувствует...

Пригожие женщины часто ошибаются, полагая, что и на самом деле мир спасёт красота! Враньё, бабы! Это мнение лишь одного, хотя и умного, человека! А Господом Богом сказано, что мир спасёт любовь!

Надобно, бабы, слушаться Бога!

После нищенской свадьбы, на тринадцатый день (потому и запомнилось), Лиза является с работы домой, где видит стол в объёдаках, кровать с пьяным атлетом, пару занюханных мужиков на полу и перекинутую поперёк их полуголую, хряпящую девицу...

Лиза – детдомовщина, привыкшая защищать своё маленькое пространство!

Первое, о чём спрашивает она у разбуженного ею теперь, вроде как, собственного блондина – что всё это значит?!!

Он не увиливает. Через пьяную губу отвечает внятно:

– Выгнали меня!

– Откуда?

– Откуда ещё-то меня могут выгнать? Из ансам-бля...

Вот тебе и... бя!

– Твою мать! – только и успевает выразить свою ошарашенность Лиза, как тут же, от налетевшего на неё кулака, оказывается на полу. Подняться не успевает – от швырка скользит к двери... Хорошо, что та отворяется вовнутрь...

Мужики подхватываются и, пока Лизу мужинина сила тянет обратно, исчезают. Следом за ними полая дверь с визгом выпускает девицу.

А у Лизы – продолжают скольжения...

Ударов она не чувствует. Зато видит белые глаза атлета; зрачки разлетелись на стороны.

«Садист!» – понимает Лиза.

На пороге появляется коммунальный дед Роман! Он говорит:

– Пошёл звонить в милицию...

И хлопает выходной дверью.

Садист махом падает перед Лизой на колени...

В голубых его глазах слёзы. Слова тенором выползают из его гортани и прилипают к душе Лизы тягучим:

– Прости, любимая! Не знаю, что со мной. Выгнали... Я ж ничего больше делать не умею... Пропаду я без тебя...

Ну, и так далее – минут пять-шесть...

Его опытный глаз улавливает в лице Лизы сострадание. Он вскакивает, подхватывает её на руки, и опять... не успевает Лиза вернуться...

«Наловчился... – думает она. – Да какой он, к чёрту, садист... Пакоstick...»

А Владимир уже стоит у окна и напевает прекрасным голосом:

На трембите я сыграю, сыграю и спою –
Расскажу родному краю, как я его люблю.

Как люблю любовью сына
Всей душою Верховину,
Всей душою Верховину – красавицу мою...

Лиза в тот вечер остаётся довольная тем, что дед Роман милицию погодил вызывать...

– Сама разберись... – почти приказал он ей тем же вечером на общей кухне.

И ДАЛЬШЕ

Месяца три Владимир ищет работу. Специального образования нет. Грузчик, дворник, чистильщик вагонов, стропальщик – не царское дело! Водитель! Кто-то, когда-то, где-то немного учил его вождению. Но надо иметь права. А курсы платные...

Днями у Лизы работа: пешком до завода, туда-сюда – километра по четыре. Ночами – швейная машинка. Слава Богу – руки у Лизы на месте. Никто не учил, но умеют многое. И так изо дня в день: смену отстаивай, ночами шей, мужа ублажай, курсы его оплачивай... Ни сна, ни продыху... У Владимира – занятия три раза в неделю. Остальное время – заработок по случаю, который надо искать...

Но её натура не принимает отрешённости. Поэзия диктует ей и диктует:

Не усталость гнетёт, не дороги нас старят,
А порою не знаешь, зачем ты живёшь
Оттого, что с тобою по жизни шагает,
Притворяясь родной, беспросветная ложь!

Всё, что с ложью срослось, с добротой не срастётся,
Если даже любовью добро одарит;
Всё, что ложью болит, при тебе остаётся.
И не как-нибудь так, а смертельно болит!

Отрывая её, не ругайся от боли,
Пусть виски поседеют от сдержанных слёз.
Отпусти ей грехи – все мы в жизни не боги.
Где б она прижилась, если б нас не нашлось.

В народе имеется примета: кто ест хорошо, тот и работает не плохо. С Владимиром иначе: ест – хорошо... Пением в ансамбле он зарабатывал себе на прожорство, но теперь – женины каша да макароны его не устраивают...

Сердобольный, коммунальный дед Роман всё понимает – потому вздыхает, глядя на Лизу, которой стыдно признаться, что вляпалась она по самую макушку...

У Владимира каждый вечер хмельное дыхание. Дед Роман владеет тонким нюхом. Потому уходит из общей кухни, едва там появятся винные пары...

Наконец курсы водителей закончены. Теперь Владимир – за баранкой хлебовозки! Хлеб есть, денег нет. Ну, что ж – с паршивой овцы хоть шерсти клок...

Однако он, видя явное отвращение к нему деда Романа, понимает, что тот разгуляться ему в квартире не сильно-то позволит. И вообще...

– Поехали к матери, – всё чаще зовёт Владимир. – У нас не деревня, а районное село! Таёжное! Ты ведь любишь тайгу? Две коровы у матери, свиньи, куры! Огород двадцать соток... Поехали. И водители там – нарасхват...

Уговорил.

Свекровь – высокая, поджарая тётка лет пятидесяти, работает наборщиком в районной типографии. Вроде, причастна каким-то боксом к современности, но зубы не чистит...

Для переезда приходится нанимать контейнер. Диван, стол, стулья, швейная машинка... Холодильника нет. Приёмник есть. Стеллаж разборный... Вот и всё, что видит свекровь, когда во дворе выгружается железнодорожный этот ящик. Потом она жалобилась по деревне:

– Привезла, как путёвая! Махину этакую! Думала – богатая невестка пожаловала, а у неё – одни книги! Надо ж было на них столько денег изводить!.. Володька вкалывал, а она – интеллигентку из себя корчит... Разве я для неё мать! Я, видите ли, Евдокия Алексеевна! Детдом, Господи прости... Чо с неё возьмёшь...

Селянки поддакивают и дополняют:

– Такой Вовка красавец! Такой певун! И не мог в городе кого получше найти...

– Так ить... добрый дурак... Переспал и – всё... И женись...

Дом у Евдокии Алексеевны – низенькая, столетняя изба на две половины! Огород – до реки! Река Мурта – по колено! За Муртой – красноярская тайга; девственная, непроходимая!

Кроме самой Евдокии Алексеевны, в доме – её сожитель, красно-мордый, однорукий Остап Иванович – бывший полесский партизан. А ещё – мать Евдокии, старая баба Катя.

Остап Иванович, хотя хозяйками этого дома присвоен, на своём месте бывает набегами. В основном эта чужая собственность, спит и столуется не прописанным в «хоромах паршивой сучонки» – Гутьки Косовой.

А тут, в двойной избе, Евдокия с матерью мечтают: если взять да настоять водку на травах да напоить ею Остапа Ивановича – «сволочь однорукая» вернётся обратно и упадёт прямо в ноги...

Остап, однако, никому в ноги падать не торопится. Иной раз приходит, ночует, но никакого питья из рук хозяек не принимает! Видать, Гутька-сучонка предупредила его, что баба Катя – ведьма ещё та!

Чёрная, сутулая, носатая! Килограмм тридцать пять, если в ней и наберётся весу, вместе с юбками и турецкой шалью, и на том спасибо! Ведьма, конечно!

Глядишь, удивляешься: как удалось ей выродить такую здоровенную «лошадь» – Евдокию?

Лизе на третий же день соседка Нинка доложила через невысокий заплот, чем бабка Катя смолоду занимается, и не только приворотом! И градусы гонит. Теперь на Володьке опять станет крепость их пробовать. Началост это, когда ему ещё лет тринадцать-четырнадцать было. Евдокия ругалась на мать, а та огрызалась:

– А чо я такого творю? Ничего я такого не творю. Ты глянь на него со стороны: какой мужик поспел! На тёлку поглядывает, как на спелую девку...

СВОЛОЧЬ ВСЯКАЯ

С переездом «молодых» в село «сволочь однорукая» зачастил по месту прописки.

А как-то заночевала даже. С Евдокией на сеновале. Вольготно, запашисто!

На дворе – июнь. Хозяйка успела припасти сена и для коров, и для овец.

Ею и картошка посажена – дома и в поле...

– Если навовсе поумнеет, – после ночёвки вознадеялась баба Катя, – я те, Дуська, мешать не стану. На припечике в кухне ночевать определюсь. Живите себе...

Но Остап Иванович умнеть не поторопился...

Время к осени – надо во поле картошку повторно прополоть.

Владимир – шоферит. Остап Иванович – инвалидит... Евдокия – ломовая лошадь, одна привыкла тянуть! На этот раз Лиза рядом со свекровью оказалась, должна себя показать. Да куда там!..

Сотку с тяпкой прошла – спина, гляди, переломится. Подташнивает.

Картофельная полоса на поле – первая у березняка. Самая сорная. А тут жара, гнус... Лиза – и тяпкой, и руками, и так, и на коленях...

Свекровь далеко умахала. Даже не оборачивается.

Лиза, чтобы передохнуть, просится:

– Сбегаю в лесок?

– Чо зря время терять? Садись тут, – по-своему понимает Евдокия невестку.

– Неудобно...

– Чёрт вас, городских, знает, – в поле поср... и то не присядь... – ворчит та и разрешает. – Ладно. Беги уж...

Лиза отходит подальше, чтоб свекровь не поняла того, о чём она вдруг сама подумала, заворачивая в колке за старую берёзу. Тошнит! Головой утыкается она в комель... А тут откуда-то Остап Иванович! Кого он в роще сторожил?! Грабастает Лизу! Рука цепкая!

Прижал ко стволу, шепчет-задыхается:

– Козочка моя! Денег у меня, – шепчет, – как у турецкого султана! Уедем. Пропадёшь ты с Дуськиным дармоедом...

Козлом воняет. Пыхтит. Цывика детдомовского напоминает...

Лизе и без него худо... Слабость одолевает...

Сползает она спиной по стволу – присесть. Инвалид по-своему, видно, понимает её: какая-де баба откажется от такого мужика... Подхватывает за талию.

– Ах ты, сучка поганая! – слышится голос свекрови.

И дальше – готовый вывод:

– А я-то, дура, поверила: обос...ась моя сношенька... В березняк её потянуло...

Тем временем Остап Иванович поднимается на ноги и начинает срамить Евдокию:

– Дура ты, дура! – останавливает её Остап. – Тебя я, дуру, ждал... А тут вижу, Лизавета – только не замертво падает... Удержать ухватился! Помоги лучше...

В этот миг Лизу прорывает тошнота...

– Во-он чо! – догадывается свекровь. – Забрюхателя... Точно не от тебя, – ухмыляется она, глядя на Остапа. – Бог тебя за блуд за твой наказал – где тебе детей заводить... Подохнешь один, – делает она вывод и тут же велит:

– Пошли отсюда! Пуцай проблюётся...

Вечером Владимир, ткнув пальцем в Лизин живот, спрашивает:

– Мать правду говорит?

– Не знаю, – отвечает Лиза. – Сходить надо в консультацию.

– Дочку родишь – выгоню! – вроде как шутит Владимир.

Только к марту живот округляется. Баба Катя говорит соседям:

– Кошку ли, чо ли, родит? До сих пор ходит поджарая...

– А страшна-то! – докладывает на работе Евдокия. – Смотреть тошно...

Лиза и в самом деле ходит некрасиво: и без того пухлые губы по-выворачивались, лицо покрылось коричневыми пятнами; её постоянно сташнивает, хочется поестть огуречной плесени. Падает безо всякой причины...

– Чо ты холера сшибает? Ишь! Завалилась опять, – ворчит баба Катя, наблюдая, как поднимается упавшая во дворе Лиза. – Скалечишь ребяночку-то – Вовке нашто увечный? Да и я тетёшкаться с выродком не стану...

Лиза пытается поговорить обо всём с Владимиром, но тот заявляет:

– Тебя никто беременеть не просил...

Он мало шоферит – много пьёт! Всякое в селе застолье отработывается им превосходным пением. Особенно любят слушать:

В том лесу соловей громко песни поёт.

Молодая вдова в хуторо-очке живёт...

У его, по отцу, тётки Нюры в начале апреля гулянка случается! Поросёнок нажрался во дворе проросшей картошки и собрался подышать; так успели прирезать.

Конечно, праздник! А то как же? Надо обмыть...

Тётка Нюра – тоже инвалид. У неё – один глаз. По пьянке вилкою выкололи. Случайно.

Приглашается вся родня. И Остап Иванович, конечно... Он вовсе и не против... На халяву да не согласиться!

Самогона – пей, не хочу!

Лиза не пьёт вообще, да никто и не настаивает.

Остальные – ого! А жрут! Поросёнок – целый подсвинок! Приходите! Всем хватит. Из Владимира сытость уже обратным ходом... Он её во двор... Там – два пальца в рот и – опять за стол...

Притом умудряется ещё и петь. Это он делает добросовестно! Песня течёт через открытые окна, разливается чуть только не по всему району. Для охотников за чужими радостями она звучит призывно. Гулянка ширится! Подтягивает:

Как-то летом, на рассвете
Заглянул в соседний сад.
Там смуглянка-молдаванка
Собирает виноград...

А сколько, при этом, во Владимире самолюбования!

Лиза не способна такое уважать! Смотрит безрадостно. Владимир поворачивается к ней, спрашивает при людях:

– Ну?! Чо?! Голубая кровь не выносит?!

Отвернуться бы. Но там вездесущие глаза Остапа Ивановича. Они так и лезут в душу, отчего Лиза настолько злится, что не может свободно продохнуть...

А надо бы глотнуть чистоты...

А снег талый, грязный. Лиза идёт за угол дома – в палисадник. Там чище.

Но опять – Остап Иванович... Протискивается следом в узкую калитку. Пиджак нараспашку. Брюхо – девятым валом! Лизе хочется втиснуться в талый сугроб.

– Давай уедем! – слышится под хруст тяжёлых сапог.

Единственная рука – за двух цепкая! – пытается обнять. Лиза ныряет под руку. Остап Иванович резко наклоняется и вдруг замирает – радикулит!

Лиза давно так не веселилась!

Как назло, Владимир оказывается во дворе. Он тоже давно не слышал её хохота.

А за углом – картина как на ладони: жена да матушкин сожитель. Всё понятно! И Лиза через весь палисадник летит по грязному снегу до рябинки, потом – до сосны, от сосны до штaketника... Дальше лететь некуда. Размах ботинка – метит в живот. Лиза утыкается в колени лицом – защитить будущую жизнь. Удары принимают спина да голова...

В открытое окно никаким её стонам не втиснуться – оттуда густо ломится застольная песня, в которой трижды кряду:

...По До-о-ону гуля-ает
Казак мо-ло-до-ой...

Даже матерки Осипа Ивановича не могут протиснуться сквозь гущу рёва.

Слава Богу – ни одного удара не прилетело Лизе ни в живот, ни в лицо...

Довольная тем, она в одиночестве плетётся домой. Баба Катя встречает её словами:

– Опять увалилась! Холера тебя сшибает... И правильно. Неча брюхатой за мужиком по пьянкам таскаться...

В ночь Владимир домой не приходит. Бабка Катя снова наставляет Лизу:

– Дура дурой... Не спишь... Чо б тебе не развалиться-то? Кровать для одной-то пошире будет... С пузом плохо ли?.. Будет реветь-то! Ничо у ево не измылится... И тебе хватит...

Не измыленный является под утро.

Лиза жмётся к стеночке. Он валится рядом и уже спит!

А ей голову одним махом полнят теперь нечастые рифмы:

А ночью глаз не видно,
А ночью кошки все черны...
Обидно, не обидно –
Обручены!

А ночью все порочны,
А ночью снова – в простыни...

И так вот... еженощно –
Без просыпа!

А днём боишься ночи,
Как вечности, как сатаны!
Но хочешь ли, не хочешь –
Обречены!

А кто-то дразнит лаской,
А кто-то манит в сторону...
То сказка ли, не сказка?
А! Всё равно!

Лаской теперь вряд ли станет её манить даже Остап Иванович.
Ему тоже основательно досталось от Владимира.

Утром Лиза поднимается, хоть этим счастлива.

Но удовольствие недолгое: перед нею – реальная картина: по-
верх одеяла, раскинутым, лежит Владимир. Он без штанов, зато в
галстуке. Подол белой рубахи в крови – подтёрся после очередного
«общения» с публикой...

Евдокия ж Алексеевна, с той половины дома, шумит:

– Лизавета-а! Володьку не буди – пушай проспится. Слышишь,
нет? Иди жрать. Оглохла, что ли?!

Но Лиза стоит посреди комнаты – безучастная.

Спустя минуту рядом появляется она, свекровь...

Лиза не хочет видеть ни её, ни Владимира...

Какой уж тут завтрак?!

А весна в разгаре! Полный апрель!

Река в мелкой шуге, но покатый берег уже покрыт одуванчиками.
Одна кукушка спрашивает – как ты? как ты? Другая требует – такси!
такси!

Лиза идёт берегом, чувствует – кто-то за спиной следом!

Свекровь! Кто же ещё...

Лиза не оборачивается. Спокойно спрашивает:

– Уж не думаете ли вы, что я пошла топиться?!

Молчание.

И слова Лизы уплывают в тишину, как в согласие:

– Не ждите! Если надумаю, то сперва ублюдка вашего утоплю...

И ПОТОМ

На процедуре развода Владимир ведёт себя проще простого. Его спрашивают – почему согласился на развод?

Отвечает:

– Пью. Гуляю. И не думаю бросать.

В городе наверняка бы не развели по причине беременности супруги. В селе Владимира знают, как облупленного – бабник, задира, гулеван...

По сути, из того, что пожелала Лиза, сотворяется решение суда: первое – брак расторгнуть; второе – назначить алименты (с согласия ответчика) в твёрдой сумме 25 рублей в месяц; и третье – бывший супруг обязан оставить такую-то такую в покое, пока не найдёт возможным вернуть её туда, откуда привёз.

Для Лизы – не плохо!

Надо заметить, что, уезжая из Новосибирска, она оставила за собой городскую прописку; комнату сдала по договору – вернуть по первому требованию.

Возвратиться ей, слава Богу, есть куда. Но не на что. Жалкие её рубли давно ушли на переезд и прожор...

После же развода свекровь отказывает невестке и в молоке, и в яйцах. Даже овощами её (тайком) снабжают в основном соседи.

Лиза вынуждена «похвастаться» перед Нинкой (так зовёт ближнюю соседку Евдокия Алексеевна), что умеет шить. Появляются желающие. И ещё она признаётся, что может рисовать. Появляются клиенты, поскольку великим счастьем считается возможность приобрести в магазине палас или ковёр.

А многим желалось видеть над кроватью хотя бы примитивный гобелен...

Лиза не знает, как точнее назвать такое «полотно». Однако берётся она малевать и на брезенте, и на старых покрывалах, а порой и на мешковине рогатых оленей, изгибистых лебедей, лежащих на берегах рек и озёр дам с пышными формами...

Да уж, действительно! Нужда заставит – горбатого любить...

Владимир ничего не хочет знать: он домашними делами не озабочен.

Лизе приходится мириться. Она понимает, что если вернуться домой и там родить, а дальше – как? Тут хоть малость заработать

можно... В магазин можно сбегать... Всё-таки бабушка-прабабушка в доме. Поди-ка, не дадут малому изреветься...

«Надо терпеть! – решает она. – А там видно будет».

В поэзии её начинают уже одолевать потёмки. Хотя голова ещё пытается вершить начатые строки. Получается унылое:

Греха на душу не возьму –
Я преступлений не свершала.
Но почему же, почему
Я так безвыходно устала?

Я как преступник без улик,
Ищу в признании покоя,
Но гложет исповеди крик
Пред равнодушной толпой.

И я подальше от людей
Несу надменную наружность.
И плачет в темноте аллея
Моя преступная ненужность.

Владимир хотя бы не досаждают...

В нём присутствует не типичное, для русского человека, благо-родство – он даже пьяным совсем не матерится.

По Лизиним подсчётам: пятого мая – время родить. Но уже двенадцатое число... Свекровь всё-таки тревожится:

– Уж не помер ли он у тебя?

– Ну, да... Помер... – отвечает Лиза. – Живот ходуном ходит...

Пока я на ногах – затихает, а сяду – пляшет...

Как-то, ещё до этого разговора, в сельской лавке Лизу встречает старая повитуха и, безо всякого вопроса, заявляет:

– Парня жди!

Прошла ещё неделя. Наконец среди ночи свекровь услышала стоны.

Надо отдать должное, в доме всполошились все.

Подхватывается даже полухмельной Владимир.

Он, пожалуй, суетится больше всех...

Наконец мать приказывает:

– Веди давай! Хватит топтаться!

Но у порога останавливает:
– Господи! Володька! Штаны-то надень.
В другое время посмеялись бы. Но тут – не до смеха: у Лизы – кровь!..

Четвёртые сутки продолжаются схватки.
Случись такое в городе, ребёнка уже бы силком выпустили на белый свет. Сельский же акушер решает – подождём...
Схватки продолжаются – каждая четыре, через четыре, минуты! В эти минуты Лиза цепляется за рёбра стола, виснет на кроватных спинках, елозит от боли по полу...

На четвёртые же сутки вечером акушер приказывает:
– Готовьте в хирургию... Утром – кесарево...
Всю ночь от Лизы не отходит медсестра – жалостливая немка. Она повторяет, сама почти всхлипывая:
– Кричи, торокая! Кричи – легче путит...
Владимир во все дни в больнице не появляется... Он где-то поёт:

Сына подарила мне жена,
Очень угодила мне она
Маленьким мальчишкой,
Крохотным сынишкой.
Вместе с ним в мой скромный дом
Пришла весна...

Операция назначена на девять утра. Лиза рождает в семь сорок. Парень! Четыре килограмма девяносто восемьдесят граммов.

Все удивлены: где мог поместиться такой богатырь, когда у матери был почти плоским живот?!

Владимир является только утром пятого от рождения дня. Он стучит в окно палаты. Кричит:

– Я тебе платье принёс... Твоё! Выходи – проверим: испортилась у тебя фигура или нет?

– Ой, дура-ак! – не удивляются, а уточняют соседки по палате.

А «дурак», без ведома Лизы, умудряется назвать сына Алексеем. Хотя она мечтала о Марке.

Таким вывертом намеревается он дать сыну свою фамилию – вписать в метрику себя, как отца. Номер не проходит: на место записи родителя ложится чёрная полоса!

СТРАШНО

Лизу выписывают домой в конце мая. А в июне баба Катя ворчит:

– Первая ты, чо ли, на свете рожаеть – развалилась, лежишь! Делай всё за тебя... Евдокия с весны никак не доберётся – крылец помыть. А у меня – спина уже корою сосновой взялась... Нагнись – треснет...

Пришлось мыть.

Увидала Нинка-соседка, орёт через ограду:

– Эй! Бабка Катерина, старая ты курва... Очумела – роженицу полоскать на ветру... Иль не ведаешь: сляжет бабёнка. Молоко пропадёт... Ты ж, сука старая, воды не поднесёшь...

– Отвяжись, язва сибирская! – отругивается старая. – Я вон Дуську свою под копную родила, в юбку исподнюю завернула и стоговать отправилась. Ни хрена с твоей бабёнкой не сделается.

А вот и сделалось: вторым вечером, да обвалом – сорок градусов! Ребёнку – месяц, а мать – влѣжку! А отец – на концертах! Иначе ему прямо никак!.. Первый певун в районе... Жена лежит – с подушкой спеклась, а он перед зеркалом бриалинится. Старая и та заругалась:

– Петух голосастый... Опять ли, чо ли, до курѣх намылился?

Владимир отшучивается:

– Породу, свет-баушка, надо ж кому-то улучшать... Ишь, какие у меня богатыри получаютя!

– Мимо конторы побежишь – скорую хоть вызови, – наказывает «свет-баушка».

– Обязательно, – доносится уже из-за двери...

Раскалённая маститом грудь долго перекидывает молодую мать из небыли в небыль... Да, слава Богу, – дело не доходит до операции! Хотя толку от такой груди уже никакого. Спасибо – корове, которая в этот год осталась яловой. А ещё свекровке – решила, наконец, уделять молока.

У неё, у Евдокии Алексеевны, новое горе: оказалась, что Остапова Гутька Косова, «сучонка паршивая, всё-таки забрюхатела»!

О том свекровь узнаёт, когда забирает Лизу из больницы. И вот уже сколько дней она рёвом ревёт.

— Корову, слава Богу, не забывает доить, — жалуется старая Катерина соседкам. — Ёй ишшо ж на работу ходить надо — попробуй-ка вовремя не явиться!..

Однако Евдокии Алексеевне ни дневные, ни ночные дежурства любить не мешают...

Пушкин, такой-сякой, оказался прав, когда сообщил миру, что любви все возрасты покорны!

Евдокия от Гутькиной тяжести напрочь лицо потеряла. Бабы сельские, особенно при Лизе, очень стараются жалеть её: хорошая-де бабёнка, а он чо над ею вытворяет... Никакой надежды не оставил... паразит культипый!

Лиза вынуждена, как может, хлопотать по хозяйству... Спасибо, помогает соседка Нинка. А Володька либо шоферит, либо зарплату прогуливает...

На дворе — июль! А это — поливы, прополки, заготовки... Ему — хоть бы хны...

Баба Катя упрекает внука:

— Ты даже не знаешь, где чо в огороде посажено...

— Вырастит — узнаю, — отвечает он.

К августу Евдокия Алексеевна немного смиряется со своей бедою.

И вот: огород убран, соления в погребе. Скирда сена — за сараем. Дрова колотые — в поленице. Хатёнка утеплена. Осталась только картошка...

Всё это, можно сказать, её руками... Сынок у Лизы беспокойный; молчит только тогда, когда мать рядом...

Время — к осени. И вот тебе... Остап Иванович возвращается — на готовенькое-то!

— Не верю, — докладывает он Евдокии. — Не могла Гутька от меня затяжелеть...

Чужим горем счастливая Евдокия — суетится, ожила!

Маленькому Алёше почти четыре месяца — бутуз! Добреет прямо на глазах, но орёт без матери — шагу не отойти.

А что со стихами? Брезжат постоянно в голове, а не вырисовываются.

Однажды мечта всё-таки выплеснулась наружу печалью. И когда-то написанные строки стали началом стихотворения:

Ничего повторять не желаю,
Ничего забывать не хочу...
Всё приемлю, но твёрдо знаю:
Мне любая беда по плечу!

Мужем бита, любовью обманута,
Умудрённая горькой нуждой...
Жизнь моя до предела натянута
Тетивою на быт тугой!

Чем коварнее зло, чем убористей,
Чем настырней рука беды,
Тем точнее и тем напористей
Метят стрелы моей мечты.

Тем точнее в неё попадаю,
Тем увереннее шепчу:
Ничего повторять не желаю,
Ничего забывать не хочу!

По сути Лиза не кокетничает, думая таким манером о своём нынешнем положении, хотя врёт о метких стрелах...

Но ни время, ни страсти её не отупили. В ней постоянно растут и зреют понимание и напевность русского слова...

Красочный язык деревни полнит её надеждою. Она дышит им. Она купается в нём. Нырять до самых его глубин и возносится к молитве его восторгом, живёт великой его добротой и неповторимостью...

Слова сами собой слагаются в присловья...

Это удивляет Лизу тем, что она не может понять, каким образом они выстраиваются в ней так, что проявляют собой нечто вековое, народное...

Всё это наслаивается в памяти Лизы. Никаких записей, никаких дневников...

На дворе – бабье лето! Пока время есть – до копки картошки, Лиза берётся разобрать рукописи прошлых лет. Укладывает стопкою на стеллаж. Сама читает шёпотом:

Кряхчет созрани дед по-утиному,
Топоршась на пригревок окна...
Перепуталась паутинами
Золотая моя сторона...

Затем:

Люблю я осень – земную стынь,
Где зелень сосен в кострах осин,
Да сонный лепет уставших трав,
Да отблеск лета в речных глазах...

Или:

Заплясала осень по лесу,
Привязала вьюги к поясу,
Затянули небо синее
Тучи сивою холстиною...

Осень! Осень! Осень!

Октябрь приносит в дом новую волну несчастья. Остап Иванович заявляет:

– Ухожу. Совсем. До Гутьки! Вчера сына принесла! Две капли – в меня!

А на недели по селу тревога:

– Пропал Остап Иванович!

– В больницу ни до сына, ни до Гутьки не приходит!

– Гутька ором орёт...

Лиза видит, что и со свекровью вовсе неладное творится: сядет – глаза в одну точку... Часами сидит!

А тут ещё Нинка, только не каждый час спрашивает через заплот:

– Остап Иванович не появлялся?

– Отстань ты, ради Бога! – раздражается Лиза.
И снова остаётся Нинка с вопросом:
– Куда мужик подевался?!

– В сарае у нас прячется... – дерзит Лиза. – Привязалась со своим Остапом... Сходи – проверь...

– Да я так... Не злись. Свекровушка твоя, гляжу, тоже... Как пришибленная...

Лиза и без Нинки видит – свекровь не в себе!

Думает:

«С ума сойти! Неужели можно так любить... в пятьдесят-то лет?! – Удивляется: – Старуха старухой, зубы не чистит, а туда же... Прям – шекспировские страсти».

После пропажи Остапа Ивановича, на четвёртый день – воскресенье. А в понедельник село гудом загудело: нашёлся! насмерть убитый!

Уборщица, до прихода работников, решила в типографии порядок навести.

Уминает она в корзину бумажные обрезки, несёт вывалить – под навес. Там целая куча такого добра. Вытряхивает. Руками подгребает. Шлёпанец из-под обрезков выныривает. Странно! Вроде носить ещё можно... Зачем выкинули? Авось другой найдётся. Разгребает обрезки – нога! Да здоровенная! Разом сообразила – чья! И завопила...

А милиция напротив типографии... А рядом остановка автобусная. Всё правильно – центр села. И школа рядом, и клуб, и сельпо...

Народищу – махом; полная ограда набилась!

А вот и Евдокия на смену идёт...

Видит – толпа во дворе типографии. Останавливается посреди дороги, стоит, разворачивается – и в милицию.

Село к обеду уже толкует наперебой. Оказывается, дело было так:

– В среду, нет, ещё во вторник ночью... Гутьку везут в больницу – рожать.

– В четверг, паразит культяпый, у неё с утра побывал, сына признал. Днём от Дуськи собрался, ушёл...

– И тем же вечером, сволочь безрукая... Знал, что у Дуськи ночная смена. Дом-то Гутькин только что не рядом с типографией...

– Нажрался, конечно, и в одних тапочках попёрся к ней на работу...

– И зовёт Дуську – пойдём, дескать, посидим под навесом...

– Вот и посидели, выходит...

Пересуды бабы оказались не так уж и далеки от истины.

Под навесом не только обрезки свалены. Там из-под рулонов бумаги железные стержни брошены... И старый литерный станок – набок валяется...

Садятся. Остап и жалуется Евдокии...

Это уже потом, на суде выясняется. Бабы о том же толкуют:

– Я, – говорит, – с Гутькой так, подживаюсь... Тебя, дескать, люблю. Давай прямо сейчас докажу... Дуська ни в какую...

И Нинка досказывает старой Катерине через заплот:

– Дуська ни в какую! А он, гад, своё: я, мол, к тебе, как пионер – всегда готов...

И дальше поясняет она другим уже соседям:

– У блудливых мужиков вся кровушка, в такое время, от мозгов к мундштуку приливает; надо успеть нижней мудростью пофорсить. А то отлив, не приведи Господи, случится... Остап и валит Дуську прямо на землю. Она горем захлёбывается, а он – любовь у неё добывает...

На суде то же самое выясняется: прижал пузом – не даёт вернуться... Шарит Евдокия по земле – чем бы его образумить. И подвернись ей под руку стержень! В страстях-то Дуська не вспомнила, что он железный, и гвозданула Остапа по башке... С одного маха захлестнула! Потом уж... завалила обрезками и забыла!

А когда его нашли, семнадцать ран насчитали! Во, как допекло бабу!

Когда увидала Евдокия народ у типографии, тогда только вспомнила, что натворила... И признаваться пошла...

Старая баба Катя убита горем. Соображает плохо. Руки трясутся. Огня в печи не может развести.

Лизавету с утра в милицию вызвали. Володьку только война разбудит – к утру еле живой приполз. В избе – волков морозить. Как назло, никакой газеты под руками – дрова подпалить. А тут ещё правнук орёт...

Ад кромешный! Старая прикидывает в полупамяти:

«У Лизаветы полно бумаги мараной. Руки, зная, не доходят – повыбрасывать. Сгодится – печку растопить».

Когда Лиза возвращается из милиции, печка пылает, в доме тепло, Алёша урелся – спит рядом с никаким отцом. Баба Катя чистит картошку и горюет...

У печи скомканные остатки поэтических рукописей...

СЛЕДСТВИЕ

Остапа Ивановича Дзюбу в селе считали проходимцем. Говорили, что он пятое, а то шестое место и у нас, и в России поменял. И всё женится.

А у бабы Кати в Красноярске сестра. У сестры – дочка. У той дочки – муж Николай, который майором в милиции служит! Этот майор просит Лизу пока не уезжать. При следствии по уголовному делу лишний свидетель не помешает.

Сам он едет на Брянщину или Псковщину – узнать Остапову подноготную. Там он докапывается до того, что Дзюба Остап руку свою потерял не на войне, а до войны. Что в молодости он умудрился угнать у цыган пару лошадей и продать их на рынке мясом, за что и поплатился рукой...

А в годы войны пошёл полицаем и отличился беспредельщиной. В одной из деревень, его старанием, заживо сгорела целая семья. И ещё набралось всякого – по мелочи, если считать мелочью людскую жизнь...

Сведения этот Николай собирает долго. Обратно возвращается только в феврале.

А потом уточнения, доводки, всякое остальное... Потом ожидание суда. Наконец решение: Власову Евдокию Алексеевну оправдать!

Судья понял: покойник был способным довести кого угодно до невменяемости...

Однако такая встряска даром Евдокии Алексеевны не проходит. У неё начинает подёргиваться голова и немного косит рот.

Баба Катя этого не замечает – неважно видит. А Володьке некогда – Володька веселится...

В мае месяце, не советуясь с Лизой, было решено справить годовщину Алёши, а заодно отметить правильное решение суда.

Из Красноярска – майор с женой, кривая тётка Ньюра, сын её как раз дома оказался, пара близких соседей...

Человек десять набралось.

Лизе пришлось вместе со всеми оказаться за столом.

Пили, пели, вспоминая Остапа Ивановича, матерились, забыв, что теперь ему Бог судья...

Лиза в своё время, путешествуя по детдомам, ругаться тоже умела. Но, после памятного разговора с начальником цеха, её будто нечисто отмыло от этих русских нечистот.

И теперь её всяким словом брани словно арапником хлещут. Владимир, молодец, не собачится. Но с каждой рюмкою у него всё шире разбегаются зрачки...

Лиза радуется тому, что на той половине дома заплакал разбуженный Алёша – не надо оправдывать свой уход.

Она садится там у стола. Качает на руках сына – пытается утешить. Тот продолжает хныкать.

А по первой половине дома – скачет казак через долину, через Маньчжурские края...

Алёша вроде не мешает ему скакать, но вместо казака в комнату на рысях влетает Владимир и с ходу бьёт Лизу по лицу. Сквозь зубы произносит:

– Ш-што!? Кровь голубая не выносит?.. Нарошно сына разбудила?! Штобы уйти?

Он повторно хлещет Лизу по щеке. Явно ждёт, что она закричит. Она же боится напугать Алёшу, потому смеётся!

Глаза у Владимира белеют окончательно и тогда, с маху, он бьёт кулаком по голове сына...

Алёша закатывается...

Кто-то вбегает, силой отнимают его у Лизы, уносят. Вместе со всеми исчезает и Владимир. А у Лизы в руке вдруг появляется длинная, острая половинка ножниц...

Неведомая сила кидает её на сыновний крик. Кухонный стол огорожен полусогнутыми людьми. Спина Владимира перед Лизою... А половинка ножниц уже торчит у него из поясицы...

Никто сразу не понимает: что ещё-то случилось? И сама Лиза не осознаёт, почему на неё смотрят столько неподвижных глаз?

Баба Катя вдруг вопит треснутым голосом:

– Уби-и-ила!

Глаза оживают...

Кто-то, кого-то, куда-то тащит, волочит, советует...

Лиза в этой суете никак не может отыскать сына. Она обезумела...

Она до темноты мечется по селу...

Наконец Нинка через ограду сообщает:

– В стайке посмотри. Я видела, как Дуська туда кашу несла...

Годовалый Алёша сидит в яслях на стёганой подстилке. Тепло одет. Лицо припухшее...

Следом за Лизою в стайку семенит баба Катя, слёзно говорит:

– Уезжай, внучка! Я тебе денег на первое время дам. Уезжай. Дурак наш отлежится, поможет до вокзала проводить...

Но «дурак» всё-таки оказывается в больнице – вскользь задета правая почка.

Когда Владимир бывал трезвым, в нём устанавливался порядок, но такое случалось редко. В больнице случилось... Там он заявил, что его на улице саданули в бок хулиганы...

Хулиганы, так хулиганы... Заявления от пострадавшего нет, и дело на том гложет.

Деньги, что баба Катя выделила Лизе на отъезд, субботним утром лежали на месте, а тем же вечером от них остаётся только половина. А Владимир исчезает полностью!

Всё село свекровью обыскано, все люди повыспрошены... Вот и воскресенье! Поезд уходит вечером. Пора бы отправляться, а ни денег, ни Владимира!

К обеду Нинка окликает Лизу:

– Пошли давай – сама увидишь...

Двор, куда Нинка приводит Лизу, в недалёком переулочке. Во дворе – чёрт ногу сломит! Сенная дверь на петлях перекосилась; в проём – ладонь пройдёт. Нинка щепочкой легко справляется с внутренним крючком...

В сенях, на полу вдрызг пьяные хозяйки – мать и дочь. Обе голые; развалились на бараньих подстилках. Между ними мужик. Он, на грани сознания, руками враскид, пытается удовлетворить и ту и другую...

Нинка плюёт и тащит Лизу в глубину кубла.

На полу ещё одна баба. Она, из комнаты в кухню, перевалилась через порог, наблевала, и головою спит в своей помойке.

В комнате, на кровати – Володька. Рядом – девка с голой грудью и задранной юбкой.

Владимир успел надёрнуть брюки, прикрыть лицо согнутой в локте рукой, вроде как спит...

Лиза молча покидает гайно... На бегу она просит Нинку:

– Вызывай такси...

А у ворот уже стоит Владимир! Как вкопанный!

– Документы, сумка с едой, Алёшины вещи, – собираясь, перечисляет Лиза. – Остаток рукописей... Узел с одеждой... Кажется, всё!

Она не помнит, когда баба Катя сунула ей в карман последние свои сбережения, кто ей пособил оказаться в такси? Помнит, что Владимир и шагу не ступил, чтобы хоть чем-то помочь...

Таксист не сразу трогает машину. Лиза торопит – поехали! И видит, как баба Катя, маленькая, хрупкая, со всего маха хлещет внука по лицу... Владимир дёргается – бежать следом за машиной, но...

И ещё Лиза помнит, как таксист дорогой удивлялся:

– В первый раз вижу, чтобы, расставаясь, баба песни пела...

ЭТО УЖЕ ВСЁ

До отхода поезда ещё больше часа. Алёша спит у Лизы на коленях. Цыганёнок мимо бегаёт-орёт... Цыганка ловит его и ласково матерится. Малыш хохочет... Лиза улыбается...

Цыганка вдруг подходит к ней, говорит:

– Денег от тебя не возьму. Они старым человеком на смерть были приготовлены... Скажу просто: сейчас появится человек – гони его прочь! Не прогонишь – загубит он твою жизнь... Сына уже загубил... Много впереди горя, ой много... Больше, чем перенесла... Но то, что дано тебе Богом, исполнишь! Не зря живёшь!

Она отходит от Лизы – на её месте почти следом образовывается Владимир. При нём ещё армейская походная сумка. Он с ходу валится Лизе в ноги и канючит без зазрения:

– Прости! Любимая! Пропаду без тебя...

Чем сильнее Лиза вдавливаются в вокзальное кресло, чем громче, кажется, раздаётся по гулкому залу его докука.

– Э, э! Лицедей, твою душу! – ругается цыганка. – Природу не переделаешь: какой из ма...ды, такой и туды... – Тычет она пальцем в воображаемую землю.

Лизе стыдно. Она даёт Владимиру денег на билет и видит, как цыганка крутит пальцем у виска...

В Новосибирск поезд прибывает утром. Даже хорошо, что рядом Владимир. Всё-таки и Алёша, и какие-никакие вещи... Всё это остаётся на вокзале, а сама Лиза спешит домой – узнать: что да как?

Комната её занята прописанными жильцами, которых уверили, что им никуда не надо будет переселяться. Это подтверждают и в жилищно-коммунальном отделе. Однако начальник – человек! Взамен десятиметровки предлагает Лизе свободную комнату – аж девятнадцати метров!

Везение невероятное!

К вечеру семья уже на новом месте.

Вещей – только те, которые сумела прихватить Лиза. Владимир догонял её налегке: с трусами да майками в армейской котомке. Теперь оказалось – ни в стол, ни в печь, ни сесть, ни лечь...

Всё осталось в деревне. А главное – книги да швейная машинка! О рукописях Лиза старается не думать. У неё так и не дошли руки – посмотреть, чего там натворила с ними баба Катя?

На новом месте всего хозяйства, что стёганое одеяло, зимнее Лизино пальто да валенки. Алёшина одежонка...

Чемодан с мелким скарбом второпях забыт в селе. Ни ложки, ни вилки... Шаром покати...

Потемну Лиза находит на помойке выброшенный чемодан. Несёт домой, моет да определяет на полу. Застилает у соседки спрошенной газетой – вот и стол. Коммунальная соседка-дворничиха Надежда предлагает в кухне:

– Парнишонку-то некуда положить? У меня Витька подросток... Кроватку выбросить жалко. Забирай.

Опять – счастье! И кроватка, и постель, и чистое детское бельё! Вот уж действительно: голенький – ох! да о голеньком – Бог... Столько везения в один день!

Накормленный, уложенный Алёша уснул. Лиза с Владимиром садятся на полу – ужинают с чемодана. Потом, на полу же, стелется стёганое одеяло. Лиза укрывается зимним пальто. Владимир спит одетым...

На следующий день, стараниями соседки, в комнате появляется почти крепкий стол, кровать с панцирной сеткой, пара стульев... На кухне старенькая, но просторная тумбочка, на которой горка посуды...

Мир не без добрых людей...

Будучи дворником, мать-одиночка Надежда знает в соседних домах всё и всех.

Не везёт ни у кого добыть только матраса. Приходится кровать застелить тем же одеялом, кинув поверху чью-то хоть ватную, но подушку.

Из прежнего места жительства Володька выписан. Чтобы устроиться на работу, нужна прописка. ЖКО с выдачей ордера не торопится. Деньги на исходе. Лиза нервничает. Владимир злится... Ищет хотя бы временную работу, но не находит. Однако заметно – возвращается не голодный...

Соседка, спасибо, позволяет Лизе пользоваться швейной машинкой. Есть подработка – есть хлеб и молоко...

Неделей дворничиха заглядывает к Лизе в комнату, говорит с порога:

– Я сёдни твоего видала – на базаре... Пиво стоит хлещет, беляши лопают... Чо ты его, дурёха, держишь? На днях ты спала, а он ко мне подкатывал... Гони ты его к чёртовой матери, пока не прописался...

В тот незабываемый день Владимир является домой ополночь. И сыт, и пьян, и нос, как говорится, в табаке...

Слово за слово – поехало-затряслось...

Зрочки у Володьки вразлёт... Спасибо соседке: Алёшку грабастает – и к себе в комнату... В руках у Лизы – пестик от ступки... Только он и помогает ей остаться не битой... Сама уже в кухне...

А дальше что? В комнату не вернёшься. Спать негде. Ждать помощи неоткуда... Три часа ночи...

Надя советует:

– Милиция – через улицу...

В дежурке аж пятеро дюжих лбов. Ухмыляются. Появление ночью обиженной бабёнки – дело обыденное. Потому Лиза слышит:

– Бегаете, жалуетесь... Потом сопли распускаете – дяденьки, миленькие, отпустите дорогого... он больше не будет...

– Нет! – возражает Лиза. – Не прибегу... И бутылку вам за это не поставлю – не с чего... Прошу об одном: дайте ему понять, что такое больно...

И вот... Кровать застелена одеялом, стёганой же его половиной прикрыт Владимир. Храпит. На самом деле он спит обычно тихо. Явно прикидывается.

Лиза следит от порога комнаты, как его трое служивых пытаются «разбудить». Четвёртый за её спиной разговаривает с Надеждой. Её, как дворника, милиция знает. Потому и разговор идёт дружеским путём:

– Чо-то у них ни хрена нету? – спрашивает крепыш в форме. – Наверное, оба закладывают?

Соседка отвечает:

– Да у неё ребёнка нечем кормить... Закладывают... Он, паразит, врёт, что работу ищет, а сам по сучкам шлындает... Ишь какой красавец! Почисте тебя... Бабы его и жратвой, и деньгами снабжают... А она, дура, с копейки на копейку перебивается...

Тем временем один из милиционеров склоняется над «спящим». Лизе не видно, что он делает. Только Владимир вдруг вскакивает как ошпаренный. Долго ему собираться нет нужды – одет. Уходят все сразу...

А соседка говорит Лизе:

– Не пропадёшь... Вон! Ясли через дорогу... Там им няньки всегда требуются. Я и у них тоже – дворником... Прописывайся... Книжку санитарную получай... Вера Ивановна – золотой человек. Она и тебя, и пацана твоего возьмёт. Ничего, что маленький – ты ж сама при нём будешь... А бугая гони к е... матери...

Пока «бугай» пребывает в вытрезвителе, Лиза успевает и прописаться на новом месте, и пройти медосмотр, и на работу выйти. Её Вера Ивановна приняла, вместе с Алёшей, воспитателем в ясельную младшую группу.

Зарплата – пятьдесят два рубля. Зато вычет за питание всего пятёрка...

Владимир появляется в квартире воскресным утром, когда Лиза добеливает в комнате последнюю стену. Всё его лицо украшено жёлто-сиреневыми пятнами от проходящих синяков.

Он останавливается, приваливается к дверному косяку, морщится. Тем показывает, что «мусора» накопостиляли ему основательно.

Актёр!

Сам продолжает держаться у порога. Ведро-то с извёсткой у Лизы под рукой! С расстояния жмёт на бабью жалость:

– Давай пересмотрим нашу жизнь.

– Уже! – отвечает Лиза. – Пересмотрела. И в сумочку твою боевую упаковала... Видишь, рядом с тобой стоит? Забирай и уматывай! И чтобы я тебя больше не видела...

Нинка из кухни добавляет:

– Я в милиции всех знаю и меня все знают... Надо будет, опять морду разукрасят...

Постояв, помолчав, Владимир исчезает – даже не хлопнув дверью.

СОДЕРЖАНИЕ

КРИЧИ, ДУША.....	3
СЮРПРИЗ	6
ЮМОР МНОГОГО СТОИТ	9
ГОСПОДИ, БОЖЕ МОЙ!	10
ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ	13
БОЖЬЯ ИСКРА	15
ЗАКИНУТАЯ	17
ПЕТРУШКА	20
НУ, ВОТ ЕЩЁ!	23
ВЫПУСК	25
ЭХ, КОЛЯ!	28
РЫБЬЯ КОСТЬ	33
ВОТ И ЛАДНО	36
СТЕРВА БЕССТЫЖАЯ	40
ГУБОШЛЁП	42
НОЧЬ РОЖДЕНИЯ	47
КТО Я?	51
АРБУЗ	55
КАМЕНЬ ПРОШЛОГО	60
И СНОВА ГУБОШЛЁП	63
НОВЫЕ САНИ	67
ФРАНЦУЗСКИЕ ДУХИ	71
КОНЦЕРТ	76
УЖ ЗАМУЖ.....	81
И ДАЛЬШЕ	86
СВОЛОЧЬ ВСЯКАЯ	88
И ПОТОМ	94
СТРАШНО	97
СЛЕДСТВИЕ	103
ЭТО УЖЕ ВСЁ	106

**Таисья Ефимовна
Пьянкова**

И ВСЁ-ТАКИ – ЖИТЬ!

Редактор Н. К. Герасимова

Технический редактор Н. Т. Фёдорова

Корректор Т. Ю. Сенокосова

Подписано в печать 10.12.2017. Формат 60х84/16.
Усл. п. л. 8,45. Печать офсетная. Бумага офсетная. Тираж 500 экз.
ООО «Сибирское книжное издательство».
630099, Новосибирск, ул. Орджоникидзе, 33. Тел.: 227-09-67.
Отпечатано в типографии ООО «Новополиграфцентр».